
МАЙЯ ТЕНЬ
ПОСЛЕ ТЕБЯ
(Не) плачу с дождем

Майя Тень

После тебя. (не) плачу с дождем

https://litres.ru/74713524

Аннотация

Я собирала о нем информацию почти пять лет. По крупинкам. По зернышку. Я ненавидела его всем сердцем. Засыпала с мыслью о мести и просыпалась с ней же.

Что может сделать девятнадцатилетняя девчонка, у которой нет ничего, против человека, у которого есть всё?

Подружиться с его врагами. Стать их послушным инструментом. Найти его единственную уязвимость. Прицелиться и…

И не учесть одного: его суровые наказания и исцеляющая забота станут для меня воздухом. А вместо мести придётся отчаянно бороться за то, чтобы он не вышвырнул меня из своей жизни навсегда.

Остросюжетно

Эмоционально

Настоящая любовь

Местами горячо

Герой-доминант может бесить, но автор все равно его любит!

Героиня — бывшая детдомовка — бывает иногда импульсивной, но автор и её любит (а иногда еще и жалеет!)

В книге есть элементы доминирования и подчинения, но нет принуждения.

Друзья, это история Алекса из книги "Оставь свою жалость для (себя) меня".

Содержание

***	6
ПРОЛОГ	8
О пазлах, цветах и совпадениях.	11
-1-	14
-2-	19
-3-	22
-4-	28
******	32
-5-	35
-6-	39
-7-	44
-8-	48
-9-	54
-10-	58
-11-	66
-12-	69
-13-	73
-14-	75
-15-	81
-16-	88
-17-	96
-18-	99
-19-	106

-20- 112
-21- 118
Конец ознакомительного фрагмента. 119

***

Аннотация

Я собирала о нем информацию почти пять лет. По крупинкам. По зернышку. По буковке. Я ненавидела его всем сердцем эти пять лет. Я засыпала с мыслью о мести и просыпалась с ней же.

Что может сделать юная девчонка 19 лет, у которой нет никого и ничего, кроссовки которой пропускают воду, а старая куртка не защищает от холода против того, у которого есть все?

Подружиться с его врагами. Стать их инструментом. Найти его уязвимость. Прицелиться и …

… и главное не влюбиться.

ПРОЛОГ

Я выхожу из авто. Сумка давит на плечо, но тяжело совсем не поэтому.

– Неужели плачешь?

Я была готова, что Алекс тотчас уедет, но он вышел проводить.

Не проводить.

«Не проводить, Элис. Алекс с тобой прощается», – осаживаю сама себя. Но все это настолько неправильно, что кажется нереалистичным.

– Это дождь, просто дождь, – пытаюсь натянуть улыбку, хотя хочется выть. И пусть в голосе Алекса сталь и холод, мне мерещится, что там есть капля тепла. Для меня. Пусть она будет для меня, Господи, пожалуйста.

Это не может быть концом.

Это. Не может. Быть. Концом.

Но это он и есть.

– Прости меня, Алекс. Я… я виновата, но…давай попробуем…

Они нанимали для меня лучших учителей актерского мастерства. Но сейчас мои слова настолько жалко звучат, что их хочется скомкать и выкинуть в корзину для мусора.

– Прощай, Элис.

И в эту минуту, только в эту минуту надежда почти осязаемо начинает растворяться в ненавистном лондонском туманном воздухе, а реальность в полную силу обрушивается на мои и так чуть сгорбленные плечи.

Пока жива хоть маленькая частичка надежды… Я должна сказать… Потом будет поздно. Если я не остановлю это мгновение, все будет потеряно навсегда.

– Алекс! – кричу уже не голосом леди, быть которой учили, а грубой болью бывшей детдомовки.

Хватаюсь как утопающий за соломинку за его взгляд.

Сердце подпрыгивает в груди испуганным зайчиком.

Обернулся – значит, есть шанс. Обернулся – значит, я ему не безразлич…

Обманываю сама себя. Но не могу остановиться.

– Алекс, не уходи! – кричу сквозь боль, сквозь рыдания, сквозь дождь.

Слышно, как слегка чавкает грязь под подошвой его брендовых ботинок. Он уходит.

Два шага назад. Но их достаточно, чтобы дойти до авто и открыть дверцу и – вместе с тем закрыть все, что было между нами.

– Алекс, пожалуйста! – слезы текут, нос, скорее всего, опух. Но я кричу, кричу, чтобы он услышал. Никогда и ничего я не хотела так сильно, как быть услышанной сейчас. – Из просьбы мой голос срывается в вопль отчаяния:

– … Накажи меня. Накажи, как ты умеешь, за все, только

прости… Я соглас…

Дверца с треском захлопывается.

Дождь… он не идет.

Плачет.

Мы плачем вместе, содрогаясь, я – плечами, он – молнией. Проклиная мир и себя в этом жестоком мире, я – судорожными всхлипами, он – громом.

Так начался мой конец света.

О пазлах, цветах и совпадениях.

Мир полон удивительных совпадений. Иногда пазлы складываются так безупречно, что происходит чудо, давайте, назовем это любовью. Не той глянцевой любовью к брутальному красавчику, что открывает дверцу и скользит ленивым взглядом по вашему лицу и фигуре или рыжеволосой красотке, что заманчиво облизывает губы, попивая апельсиновый сок. Это может быть и любовь к жизни – вы же не раз видели, как посреди асфальтового плена вырастают травинки или даже целые цветы? Чудо? Любовь? Конечно! А совпадения в виде удачно упавшего семечка и трещинки на асфальте помогают чуду вырасти.

Бывает иначе.

Иногда пазлы складываются так, что в жизнь врываются чудовищные события. И это не Божий промысел, это не происки дьявола – давайте уж мы, люди, научимся брать ответственность за свои поступки. Это просто совпадения, тупо совпадения, которые мы сделали своим инструментом или оправданием. Это не осень с затяжными ветрами и моросящим дождем заставила кого-то лишить жизни заведомо слабого, который нечаянно толкнул в переулке, нет! Этот кто-то уже имел зачатки психопата и убийцы.

Но самые странные события случаются, когда Добро и Зло встречаются и вдруг понимают: им по пути.

А им не по пути! Очевидно, что не по пути!

Это паззлы так удобно и обманчиво сложились, что грани и цвета совпадают, а рисунок, содержание – нет!

Иначе как объяснить, что по одной дороге пошли юная выпускница детдома Элис, мечтающая отомстить за смерть единственного близкого человека – сестренки Грейс и целая банда заматерелых преступников? Сошлись грани: и Элис, и банда хотели, чтобы стало плохо одному и тому же человеку. И банда вовсе не выглядела как группа гопников из подворотни. Их вполне можно было принять за уважаемых людей.

Сошлись грани, но картина получилась безобразной. Точнее, ее можно было бы назвать безобразной, если бы не одно НО. Среди слез, дождя, боли, разрушенных судеб и крови там начинает … расти цветок. Вы же помните, что это вовсе не цветок, а чудо или любовь?

Картина настолько безобразна, что цветок может быть растоптан в любую минуту.

Но ведь чудо… оно такое… живучее.. в него так хочется верить.

Впрочем, не от нас это зависит.

Растоптать его или бережно полить будут решать Алекс и Элис – герои этой книги. Поэтому дальше мы дадим слово им.

А нам … хватит философствовать, верно? Мы открыли книгу вовсе не для этого, а чтобы забыться от жизненных проблем, отдохнуть, попереживать, порадоваться.

Так вперед, мои дорогие!

И простите автора, который уже не в первый раз лезет в книгу своими рассуждениями.

*****

Я желаю каждому из вас, чтобы только наступивший Новый 2026 год принес чудо, добрые вести, желание и энергию творить, любить, созидать. Как автор, я люблю не только своих героев, но и вас, мои дорогие!

А еще:

В честь новинки классные скидки на все мои книги!

Заходите на страничку и выбирайте!

https://litnet.com/shrt/j5Yi

Мои дорогие, книга только стартовала и ей очень-очень нужна ваша поддержка! Пожалуйста, не поленитесь поставить звездочку на странице карточки книги (где обложка, теги и т.д.), пишите комментарии (добрые комментарии буквально напитывают желанием писать) и подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропустить важные новости. Всех обнимаю!

-1-

Алекс

– Добрый день, Алекс, все в порядке?

Не замедляю шаги, просто киваю бармену своего детища – бара «Уголёк», прохожу в свой небольшой и почти уютный кабинет. В последнее время я редко здесь бываю. После того, как отца признали без вести пропавшим, его холдинг перешел ко мне, и приходилось много времени уделять насущным управленческим делам. Не в таких масштабах, конечно, но это делать я умел и любил.

Однако сегодня я, оставив Элис возле кладбища на окраине города, целенаправленно шел туда, что принадлежало только мне, и было дороже любого холдинга – в бар «Уголёк». Специально шел быстро, размашисто, чтобы не видеть эти якобы удивленные лица и не отвечать на дежурные неискренние вопросы, но видимо, просчитался. Видимо, на лице, у меня, все же написано «Алекс лох», «Не только обложался с девицей, но и выкинуть из своей головы не может».

Хлопаю дверью и закрываюсь в кабинете.

Никакого виски.

Только кофе.

Горячий и горький.

С отвращением смотрю на подошвы ботинок. Переоде-

ваю. Видеть не могу эту грязь – словно она принадлежала Элис, от нее прилипла к ней.

Элис гениальна!

Гениальная актриса и дрянь!

Каждый вздох выверен, каждая реплика отрепетирована, выучена наизусть каждая деталь моей биографии, все мои привычки и фетиши, вплоть до…

Все мои девочки были предупредительны и обходительны, каждая по взгляду научалась понимать, когда надо снимать трусики, когда молчать, но Элис все же была другой. За ее покорностью чувствовалась какая-то …. непокорность, даже сила. Ее вздохи и молчание были красноречивее, чем если б она, изъясняясь, выдала целый спич. Такому не учат в высших актерских курсах. Это либо от природы, либо…

…. либо это женская месть. Разрушительная. Убийственная.

Не только Элис гениальна. Тот, кто задумал сей феерический спектакль, что был разыгран на сцене моей жизни, тоже был поистине гениален. Не знаю, можно ли гордиться, что имеешь подобных врагов? Впрочем, один из них уже гниет в вонючей канаве, другой, сука, смылся. А до шестёрок мне дела особого нет. Эван разберется. Он умеет делать это болезненно и долго – как эти чертовы «гении» и их прислужники заслуживают.

А Элис…

Она осталась стоять там, возле дороги, что ведет на клад-

бище – то самое, где по ее словам, лежит сестренка Грейс.

Прощай.

Последнее слово, что я подарил ей, хотя мог бы вышвырнуть из всего, откуда только можно, без слов, без сантиментов в виде помощи подвезти куда надо.

Она смотрела, как я уходил.

Ждала, что обернусь.

Точно знаю, потому что научился чувствовать ее. Распознавать эмоции по распахнутым глазам, по дрогнувшему голосу, по дыханию, по ауре, если хотите, которая образовывается вокруг нее.

Не обернулся.

Хотя хотелось. Ведь этот вот глухой голос, еле слышное «Отвези меня, пожалуйста, на кладбище, к Грейс. Попрощаюсь с ней и начну новую жизнь» и добавленное уже в самом конце «Если смогу начать…» – тронуло ведь меня, задело? Еще как!

Только рвет на части от боли, когда думаю о том, что и это очередная игра.

Стук в дверь напоминает, что я слишком много рефлексирую вместо того, чтобы поставить точку и заняться действительно важными делами.

–Заходи, Эван. Уже есть предположения, куда смылся Ник?

– К сожалению, нет, сэр, ребята ищут цифровой след, но пока безрезультатно. И… мне жаль, но одна из дочер-

них компаний холдинга вашего отца благодаря ему на грани банкротства.

«Да знаю я.Эту компанию уже не спасешь. Не благодаря ему, благодаря мне. Это я, молодой и не терпящий самодурства отца, отказался от его холдинга, свел наши контакты к минимуму. А надо было слушать, внимать, сука, надо было внимательно словам отца: «Вся власть зиждется на контроле. Все в этом мире надо держать в кулаке, в узде. И особенно женщин, ибо если и придет в твою жизнь настоящая беда, то постучится она хрупкими руками женщины».

Эван мнется, словно ему неудобно затрагивать щекотливую тему. Наконец, спрашивает:

– А Элис? С ней тоже мне разобраться … или вы сами?

Жуткие слова на самом деле. Но ... нет, Элис и смерть совершенно не пересекающиеся понятия.

– Сам. Она на кладбище.

Рот Эвана открывается то ли в удивлении, то ли в ужасе, так что быстрее машу руками:

– Живая. К сестренке поехала.

– Получается, все, больше ее здесь не будет?

Ну не такой же ты, Эван, тупой, сказал же – нет. Или вот так по мне можно прочитать, что не могу без этой твари, что даже ты в этом сомневаешься?

«Конечно, нет» хочу рявкнуть в ответ, чтобы ко мне уже больше не доебывались с вопросами о ней, но отвечаю другое:

– Думаю, это не твое дело, Эван. Иди, работай.

На удивление мой голос сейчас звучит спокойно и холодно. Не злюсь на себя, что оставил место – совсем крошечное – для Элис в своей жизни. Потому что в моей голове, видимо, уже начинает зреть некий чудовищный план, который посеяла Элис. И если он даст плоды, горько плакать придется ей же.

Друзья, ловите очень горячие промики на книгу "Бывшие. Там, где ты боль"

oreSQdJu

wKEeogLA

-2-

Элис

Человек не может жить без прошлого, без памяти. Мое же прошлое изумительно ничтожно, непримечательного серого цвета и такой же должна была бы быть, наверное, вся моя жизнь.

У меня не было ни сногсшибательных способностей, ни яркой внешности, ни прирожденного таланта. О том, что я, оказывается, могу быть невероятно артистичной, узнала только более года назад.

Лучше бы не узнавала. Тусклая серая жизнь без особых радостей, но и без изнуряющей боли, где ты – обычная швея или официантка, но никак не предатель, – представляется мне сейчас офигенно классной и безопасной.

– Зато в моем прошлом у меня была ты, моя маленькая Грейс, – шепчу, усаживая возле могилы сестренки маленького мягкого медвежонка. – И мы по-своему были счастливы, правда?

Грейс меня не видит и не слышит, разве что только там, на небесах, имеет возможность как-то подсмотреть. Мне нравится представлять, что все-таки как-то знает, что я вспоминаю ее, люблю ее, прихожу к ее могиле с куклами и медвежонками Тедди.

– Помнишь, как мы мечтали, что я буду учиться на мо-

дельера одежды, и у нас будут куча платьев, юбок, костюмов? Не из секонд-хэнда и пожертвований! Не одинаковые для всех ста девчонок из нашего детского дома, закупленные заведующей по скидочной цене, а настоящие, новые, роскошные! Я говорила, что сначала их буду рисовать, кроить и шить. И себе, и тебе, и конечно, для работы. А ты щебетала счастливой птичкой, уже придумывая в голове сочетания цветов и модели. Не знаю, удивишься ли ты, моя маленькая, Грейс, но оказывается, даже красивые платья и дизайнерские брюки и обувь не способны дарить счастье.

Я не рассказываю на могиле маленькой сестренки, что кое-что дорогая одежда и косметика дарит.

Уверенность в себе.

Силу.

Вдохновение и даже азарт.

*Они*приучили меня к качественной, словно именно для тебя сшитой одежде. А мой азарт сдерживали. Я училась быть милой леди, невинной, чуть наивной девушкой, но ловить восхищенные взгляды друзей, подруг мне не представлялось возможности. Лишь иногда с одним *из них*мы выходили в ресторан или на закрытую вечеринку, где я практиковала приобретенные навыки этикета, танцев и даже музыки. Учителей, естественно, нанимали *они.*

В этот день я особенно волновалась. Моя красота была сегодня *не для них*и даже не для меня. Для него. Для нашего общего врага.

– Этот вечер стал главной ошибкой в моей жизни, Грейс. Он был продуман до мелочей. Я словно играла главную роль в спектакле. Легкий тремор выдавал мое волнение, но, ты бы гордилась мной, Грейси, как я великолепно играла!

Вспышка молнии высоко в небе будто бы озарила фотографию Грейс на памятнике, я поправила уже насквозь промокшего мишку. Наверное, и я промокла, но не чувствовала этого. Почему-то подумалось, что это не молния и не гром, а Грейси сердится на меня с небес. Поспешила исправиться:

– Ты права, сестренка, права, какое уж тут гордиться. Доживи ты до этих дней, стыдилась и избегала бы меня. Впрочем, я тоже давно отрезвела от триумфа тех дней и теперь во мне живет только стыд – грязный и противный.

Вытираю щеки. Нет, плакать я уже перестала, лицо было мокрым от дождя. И упрямо твержу:

– Пусть стыдно. Но я все равно расскажу тебе о этом дне, Грейс. Потому что он был полон Алекса.

-3-

Дождь и ветер щедро раздают пощечины, слово предупреждая: «Ты что! Разве о таком можно говорить Грейс! Замолчи! Замолчи сейчас же!»

Но я ж упрямая…

Если б не была такой, разве б оказалась в той точке, в которой сейчас нахожусь?

Так что слушай, Грейс.

Итак, тот день.

Я кружилась возле зеркала. Оно было в полный рост и показывало все: сияющие глаза; тщательно уложенную, специально создающую иллюзию легкой небрежности укладку; неброский макияж, на который у визажиста ушло два часа; аккуратные ноготочки, покрытые прозрачным лаком с неброскими блестками. Юбка чуть выше колен была достаточно скромной, но из-за легкости материи при движении обнажало чуть больше, чем можно было ожидать от такого скоромного фасона и, полагаю, даже будоражило фантазию. По крайней мере, тот, кто ее кроил, обещал, что так оно и будет. Розовая блузка облепляла тело, но в то же время скрывало все и даже шею – воротник-ошейник ее нежно обтягивал. По мне такой наряд больше подходил для похода в университет, для выступления на студенческой конференции –

но мое мнение *их* не особо интересовало.

– Я считала, что выполняю благородную миссию, Грейс – отомщу за смерть моей маленькой сестренки, – пытаюсь сейчас оправдаться. Но в этот день даже эта мысль спряталась куда-то в уголки подсознания.

– Ты такая взбудораженная. Впрочем, сегодня это и простительно, и делу не должно помешать, – заметил Лео, один из *них*.

Я видела в зеркале потрясающей красоты девушку, трепетную, нежную – такую, какую хочется обнять и заботиться, согревать в объятиях. И все же легкий страх ли, волнение ли присутствовали: я боялась не справиться.

Если бы я тогда не справилась – всё было бы по-другому, Грейс, но, бойся своих желаний – я, к сожалению справилась.

– Пошли, юная красотка. Начинается акт первый, сцена первая нашего спектакля, – сказал Лео и, аккуратно взяв меня под локоть, повел в нужном направлении: автомобиль уже ждал во дворе. Мы зашли не вместе, а с промежутком около пятнадцати минут.

Я сидела за столиком, делая вид, что пью легкий коктейль. Лео оставался у бара. Все было будто бы буднично.

Мое настроение резко контрастировало с атмосферой бара. Среди всеобщего веселья и необыкновенного уюта моя грусть смотрелась здесь чужеродно и привлекала внимание. А причина была серьезной – сегодня меня «бросил парень» и я зашла в первый попавшийся бар. Коктейль оставался по-

чти не тронутым ровно до той минуты, когда в поле моего зрения как-то резко не появился Алекс.

Я впервые видела своего врага живым и так близко. Нет, я не воспылала к нему лютой ненавистью, как это полагается роковым женщинам, задумавших месть. Наоборот, моя жажда мести жила во мне спокойно – так, будто точно знала – ее час настанет, обязательно настанет. Но я и не воспылала любовью к этому, чего уж скрывать красивому, даже очень красивому мужчине, как это бывает в девичьих романах, что я почитывала от скуки. В животе у меня вдруг резко не потеплело, между ног мокро не стало, и даже сладкая истома по груди не прокатилась. Единственное изменение, которое я заметила – в баре резко стало меньше места. Помещение как будто наполнилось его аурой, и это было странно.

Взглядом хозяина он мазнул по бару, по посетителям, может, и по мне.

Лео не терял зря время. Пошатывающейся походкой, что даже я поверила, будто он уже влил в себя не один бокал пива, подошел и слишком развязно подсел ко мне.

Я же листала телефон, смотрела на фотографии «своего парня» и грустно вздыхала.

– Девушка, а почему вы такая грустная? Давайте я вас развеселю. Эй, официант, неси сюда два пива, – услышала я его отрепетированные слова. Впрочем, именно потому, что были отрепетированы они и не стали неожиданностью.

Взгляд Алекса прошелся по нам, но только на мгновение.

Я тут же начала переживать, что план не сработал. Но нет, время от времени он бросал на нас взгляд.

«Бар Алекса славится тем, что никто не смеет ни приставать к девушкам, ни устраивать разборки. Алекс и его охранники это контролируют более чем строго. Но мы сделаем так, что охранник будет занят разборками с Дэвидом, так что успокаивать тебя и вышвыривать меня придется Алексу», – вспомнились слова Лео.

– Мистер…э, пожалуйста, пересядьте, я не хочу ни с кем знакомиться и веселиться. Я… я уже ухожу, – подыгрываю Лео и встаю со стула.

– Сядь я сказал. – Лео тянет меня за локоть грубо, больно, как пьяный, не способный контролировать свою силу.

На моем лице – слезы, я что-то пытаюсь сказать, но выходит только сдавленный тихий всхлип, но глаза… мои глаза ликуют, потому что рядом с Лео тут же оказывается Алекс и сильно, но не грубо заставляет того встать.

– Я приношу извинения, здесь обычно такое не случается, – присаживается рядом со мной Алекс, разобравшись «с разбушевавшимся посетителем». – Хотите в качестве компенсации пива, коктейль, что вы обычно пьете?

– Обычно я не пью, – смущенно улыбаюсь Алексу. – Просто… вам это, конечно, неинтересно, просто сегодня меня бросил парень. Сказал, что хочет более раскрепощенную, а не такую мышь. Вот я и решила, что начну новую жизнь, например, пойду в первый попавшийся бар пить коктейль.

Простите… И не надо никакой компенсации, хотя… можно в качестве нее влажную салфетку, этот… этот мужчина пролил на меня немного пива.

В этот вечер с извиняющейся улыбкой на лице, глазами, полными грусти, я ликовала в душе. Я выполнила всё или почти всё, чему меня *они* учили. Случайное касание пальцев – конечно, совсем немного, конечно, нечаянно, и от смущения я потом прятала лицо в ладони.

Но высший пилотаж был в том, что нам удалось остаться наедине в его кабинете – мы зашли за влажными салфетками. Мой незаметный флирт продолжился и здесь. Мы встречались взглядами – случайно, конечно, случайно. Но я не задерживала взгляд, спешила опускать глаза в пол. Руками нервно теребила воротник блузки – тот самый, который напоминал ошейник. И, оттерев пятно от «случайно» пролитого пива, я не забыла поблагодарить:

– Спасибо, *господин* Алекс.

Это была вишенка на торте. «Да, Алекс, – ликовала я в это время, – я знаю все твои порочные тайны. Тебя не интересуют ванильные отношения. Ты любишь подчинять девушек, ставить их на колени. И они к тебе обращаются именно так». А я тебе понравилась. Но я не такая. А может, такая, только ты об этом не знаешь? Заманчиво, да?»

Я заметила, как дернулся его кадык после такого обращения. Но надо было еще закинуть удочку. И когда Алекс дежурно или не дежурно при прощании отметил: «Спасибо,

что заглянули в мой бар, Элис. Буду рад видеть вас еще и извините за произошедший инциндент», я не растерялась:

– Оу, вы ни в чем не виноваты. Это я… вечно вляпываюсь во всякие неприятности. … Знаете, – смущенно добавляю я, будто бы мне только что пришла в голову авантюрная идея, – через две недели у меня день рождения. Лео говорил, что мы проведем его в … впрочем, неважно, что он говорил, у Лео уже другая девушка (делаю печальный вздох без переигрывания). Думаю, я приглашу сюда свою лучшую подругу и мы будем целый вечер сплетничать…

Конечно, через две недели «подруга заболела» и я пришла в бар одна.

Еще одна маленькая победа.

Еще один шаг к мести и предательству в одном флаконе.

Алекс мной заинтересовался! Я позорно отметила свой триумф бокалом шампанского с *ними*.

Но интерес – быстропроходящая вещь. Дальше начинался второй акт нашего спектакля. И играть уже было сложнее.

***

Друзья, спасибо за поддержку! Не забывайте, пожалуйста, ставить звездочки (на странице карточки книги) и добавлять книгу в библиотеку!

-4-

– Грейс, если бы ты знала…, – продолжаю я свои горькую исповедь, вроде даже слезы текут. Или это дождь течет по мне. Куртка уже не спасала, волосы превратились в мокрые спутанные пряди. Мной, наверное, людей можно было пугать. Но неважно. Как же мне было сейчас неважно, как я выгляжу со стороны, как прочитают мои жесты другие! Мне не надо было следить за своим вздохом, контролировать каждое слово. Здесь, на могиле сестренки и сейчас, когда сама вырыла могилу для наших отношений с Алексом, я, наконец, чувствовала себя свободной.

Свободная.

Одинокая.

Ничтожная.

Не знаю, рассказывала ли я все сестренке или просто вспоминала, в какой-то момент все перемешалось.

Вроде бы даже рыдала.

Может, и хохотала какими-то нечеловеческими звуками.

И меня не волновало, что кто-то услышит, что-то подумает.

Я так устала держать под контролем все до мелочей, что сейчас было абсолютно все равно.

К счастью, из-за ливня, поблизости никого и не было.

– А знаешь, Грейс, самое сложное, наверное, было не с Алексом. С его друзьями. Не с партнерами по бизнесу, не с теми, с кем он пару раз в месяц играл в теннис или бильярд. С настоящими. С преданными.

Например, с Егором и Ликой.

Я волновалась. Потому что как и почему именно так надо вести себя с Алексом, *они* меня научили. А информация об этих друзьях была поверхностная.

Я была гостеприимной хозяйкой дома. Я играла в покорную женщину Алекса.

Все в меру. Все осторожно. Филигранная игра.

Я им понравилась, Грейс! Правда, там у них между собой кипели какие-то страсти, что мне было очень, очень на руку. Но главное случилось: они все приняли за чистую монету! А я… я нежно улыбалась им в лицо и торжественно ликовала в душе: какие же вы наивные! Какие же вы ничтожные! Как же легко вас обмануть, вас, кто горя никогда не знал, кто родился с золотой ложкой во рту. Простая детдомовка обвела вас вокруг пальца. Господи, как же все справедливо! Господи, спасибо за то, что ты есть и покровительствуешь мне!

– Да, Грейс, вряд ли мне покровительствовал Господь в этот миг. От того, какой сукой была тогда, до сих пор ноет в груди. Служа *им*, я предавала не только Алекса, но и его близких. А еще – предавала себя.

…Гремел гром. Сверкала молния. Нормальный человек не сидел бы сейчас возле могилы, на которой, не выдерживая

натиск ветра и дождя, даже цветы склонили головы.

Я не была нормальной.

Ни сейчас, ни тогда, с Алексом.

Сука.

Стерва.

Дрянь.

Я ругала и бичевала себя так, что наказания Алекса, даже вне игры, даже когда сердился, казались сейчас чем-то сродни ласки. Впрочем, после них всегда следовала забота. Именно ее выдерживать было особенно сложно. Алекс недоумевал, почему мои слезы текут не во время наказаний, а после, когда я уже окутана теплом и заботой. Но это было много позже, много потом, когда начинала понимать, что я – дрянь, а играю в трепетную фиалку.

Я не Алекс.

Себя жалеть не собираюсь.

Не за что.

Не заслужила.

Втянув голову в плечи, я выла раненой волчицей, катаясь по земле рядом с могилой.

– Забери меня к себе, Грейс, забери, – выстонала я, прижавшись к мокрой земле.

А потом – какое-то облегчение, словно все терзания позади.

«Грейс услышала мою просьбу», – облегченно выдохнула и прикрыла глаза. Было ощущение, будто погружаюсь в без-

дну и падаю в пропасть, но чувств не было. И оттого было как-то хорошо.

«Спасибо, Грейс. Спасибо, сестренка».

******

Друзья, хочу представить вам историю Егора и Лики. Элис глубоко заблуждается, говоря о них «горя не знали», на долю хрупкой Лики и Егора выпало очень много испытаний.

Оставь свою жалость для (себя) меня

их с

Он. К вещам его учили относиться бережно, а вот ломать людей он умеет. Сломать эту невзрачную мышь для ее же блага? Не вопрос. Но… может, стоит выбрать более долгий, но щадящий способ взаимодействия с ней? Тем более очень скоро ее враг становится их общим врагом.

Она. Смерть и завещание отца заставляют ее корректировать планы на ближайшее будущее. Задержалась на исторической родине больше, чем планировала. Проблемы с правоохранительными органами. Страшные угрозы. Игры с двойниками. И впереди маячит вынужденный брак с нелюдимым телохранителем отца. Но у нее свои правила игры с мужчинами, и менять их она не собирается. А он... с ним играть страшновато, если честно.

https://litnet.com/shrt/Is6a

В честь новогодних праздников, вы можете использовать скидочный промокод NEWYEAR26

Приятного чтения!

-5-

-5-

Мне казалось, нет, я уверена, что встретила Грейс. Она всё такая же маленькая, худенькая, и как будто смотрит на меня из-под облаков и улыбается.

– Ты что, совсем не ешь, отощала! – будто журю ее, как когда-то в детстве. В детском доме нас сносно кормили, но у Грейс был пунктик: она лучше вообще не будет есть, чем есть, что ей не по вкусу. Поэтому, если нам давали что-то, что содержит вареный лук, Грейс просто отодвигала тарелку. Я пыталась уговорить ее есть, но всё было бесполезно. Не за себя – я всеядная,– за неё так было обидно, что иногда плакала по ночам. Конечно, ситуация не смертельная. Никто бы не допустил, чтобы Грейс умерла от голода. Просто с мамой… по-другому было бы.

Лук резался бы так мелко, что Грейс бы его не заметила.

Платья и юбки не висели бы мешками, а были бы подобраны точно под её худенькую фигуру.

Но самое главное – Грейс была бы жива!

С мамой и папой было бы так уютно, что не хотелось бы убегать в соседний заброшенный дом, чтобы порисовать, почитать или просто помечтать. Проклятый дом! Проклятый дом, который отобрал у меня Грейс!

Мне хочется сказать ей «Прости», но это лишнее, она улы-

бается, значит, простила, хочу протянуть к ней руки, но нет сил. А сестренка так вообще никакие усилия не прилагает: просто смотрит.

– Умоляю, скажи что-нибудь, Грейс!

– Прости, Элис. Я так люблю тебя. Не посвящай свою жизнь мне, не надо… Мне хорошо… Пусть и тебе будет хорошо. Мы встретимся. Мы обязательно встретимся. Через много-много лет.

Хочется плакать. Невыносимо хочется плакать, и не могу. Наверное, я недавно выплакала все слезы. Только жалобно скулю:

– Нет, не уходи-и-и…

Грейс не слышит. Смотрит на меня и растворяется в воздухе. Последнее, что еще немного зависает между небом и землей ,– ее улыбка, чуть грустная, но такая светлая.

– Тч-ч-ч, я не ухожу. Я тут.

Этот голос… он точно не принадлежит Грейс. Этот голос может губить., но может и воскрешать. Этот голос родной. С легкой хрипотцой. Он – как сталь с легкими нотами обещания заботы, вот как охарактеризовала бы я его. Он знакомый. Даже давно. Этот голос никогда не кричал, не орал, не срывался на визг, и оттого казался неким фундаментом, опорой. Даже когда глаза темнели, голос оставался спокойным. Вот взгляд другое дело, да, пугал иногда. Может, потому я именно его голос так люблю?

– Люб-лю, – говорю медленно, по слогам. Получается ти-

хо, невнятно, потому что губы пересохли и им больно.

Тут же чуть ли не подпрыгиваю: нельзя, нельзя так говорить.

Почему нельзя?

Не знаю, но точно нельзя. И недовольное, даже горькое цоканье в ответ подтверждает мои мысли.

Вспомнила.

Потому что я предатель.

Без права на любовь

Даже на прощение у меня прав нет. И на исповедь право не дали.

Только что с Грейс было так спокойно, и вот опять…

Голова болит. В груди болит. Тело трясет.

Я хочу, чтобы он ушел. Я не заслуживаю быть рядом с ним.

Я – предатель. Я ничего не заслуживаю. И оттого даже глаза до сих пор не открываю.

Голова начинает болеть еще сильнее; мир утрачивает устойчивость и слишком быстро вращается, давлюсь стонами, что вырываются помимо воли и снова проваливаюсь в сон.

И снится мне, будто за секунду до того, как предаться забытью, меня целуют в висок. И стальной голос говорит:

– Моя маленькая, глупая и упрямая девочка. Что ж ты не хочешь вернуться до сих пор. Если доктор и сегодня скажет, что никакой положительной динамики…

…а дальше я не слышу. Я и эти-то слова, наверное, не слышала. А придумала себе, чтобы было легче, безопаснее. Мы вообще с Грейс часто придумывали истории, сказки и рассказывали друг другу. Грейс! Где же ты? Я так хочу к тебе, моя маленькая сестренка. Не отталкивай, возьми меня с собой. Хочешь, мы с тобой, как раньше….

-6-

Алекс

Третья чашка американо, от которого уже вяжет во рту, поэтому, вопреки своим привычкам, добавляю ложечку сахара. Зато осень и дождь, вроде бы уже прекратившийся и вдруг снова начинающийся лить как из ведра, раздражают куда меньше.

Подхожу к окну гостиной и раздвигаю жалюзи: а нет, ошибся, всё так же раздражает. Небо не просто пасмурное, а утомительно серое, бесконечно серое, безо всякой игры оттенков. Капли стучат по зонтам прохожих – тоже не ярким, не светлым, а серым и черным. До чего надоедливая картина! Кажется, слышу как капли, танцуя свой уродливый из-за однообразия танец на зонтах, на подоконниках, на асфальте, выбивают унылый, под стать моему настроению, ритм.

Какие там поэты и художники вдохновлялись осенью? Меня она может вдохновить только на убийство. А нет, даже на него не вдохновит. Потому что перед глазами стоит Элис. Только Элис.

Интересно, долго стояла под дождем, как я уехал? Плакала? Дрожала? Замерзла? Сообразила вызвать такси до того как промокнет насквозь? Вообще, что за блажь на нее нашла, обязательно было в ливень ехать на кладбище? Смогла снять

квартиру? Что сейчас делает?

Черт, я так привык, что она вечно рядом, всегда под боком, под контролем, всегда поступает правильно, при проблемах звонит мне. Так привык, что сейчас кажется: потеряется. Потеряется в огромном туманном Лондоне, потеряется в холодном мире. Была иллюзия, что она живет, опираясь на меня, оттого теперь страшно за нее: как она, без опоры? Впрочем, этот вопрос решается довольно просто – одним звонком Эвану. Выслушает, найдет, доложит об исполнении приказа – золото, а не помощник.

Набираю номер, пока не передумал. Среди прочих рабочих вопросов задаю самый для меня волнительный:

– Элис не пыталась выйти на связь?

Глупый и неуместный вопрос. Эван задерживается с ответом лишь на секунду:

– Нет, сэр, не звонила.

Он не добавляет «Вы же сами запретили ей звонить» просто потому, что не привык обсуждать распоряжения. Как Элис. Почти как Элис. Ее Господин запретил звонить, приходить – и она ушла, ушла в дождь, на кладбище.

– Узнай, сняла ли квартиру, где сняла, какие соседи. Не хочу, чтобы девочка пропала.

Говорю сухо, без эмоций. Это элементарная забота. Точно так же я узнал бы, если б ушла, например, наш бухгалтер или даже сам Эван.

– Уже.

Приподнимаю бровь в ожидании ответа. Почему он медлит?

– Элис в больнице.

Кажется, на секунду весь мир перестает существовать. Я не знаю, может наша планета попала под влияние черной дыры и ее туда чуть не засосало, но ощущения были похожие. Если эта идиотка решила что-то сделать собой, я надеру ей задницу, сначала сделаю все, чтобы поправилась, а потом надеру так, что неделю сесть не сможет.

– Что с ней? – выдыхаю вопрос Эвану. Черт бы побрал его сдержанность, вот сейчас она неуместна, ни черта неуместна. – Хотя постой, готовь машину. По пути расскажешь.

Оказалось, что Эван увез ее не в частную клинику, услугами которой пользовался я, а в самую простую, расположенную к тому же в районе Ньюхэм, но выговаривать за это не стал. Он и так поступил лучше, чем я.

– Когда вы сказали, что оставили ее на кладбище, я связался со смотрителем, спросил, все ли в порядке. Он обещал посмотреть ночью, когда выйдет на работу. Виноват, сэр, надо было настоять, чтобы не ждал вечера…

– Чуть быстрее, Эван, пожалуйста.

– Около семи вечера он позвонил и рассказал про Элис. То есть, он, конечно, не знал, кто она. Насквозь промокшая, в истерике, он еле утащил ее к себе в комнату и напоил чаем. А потом я уже увез в больницу. Пневмония, сэр.

…Обычная средненькая больница. Стерильно и тихо. Па-

лата интенсивной терапии и моя маленькая девочка.

– Вы пустите, доктор?

– Не более пятнадцати минут. Медсестра выдаст вам бахилы, халат, шапочку, антисептик для рук.

Не помню, сказал ли спасибо или сразу рванул к сестре за халатом.

Элис. Мое сердце сжалось до размера колибри. И, как колибри, начало яростно трепыхаться.

Элис спала. Всегда розовые и чуть пухлые губы сейчас пугали синюшным оттенком. Бледность кожных покровов делали эту синюшность еще более заметной. Правая щека пылала румянцем, левая сторона оставалась бледной.

– Очень сильное воспаление правого легкого. О том, чтобы перевезти домой, пока не может быть и речи, – сразу отказал доктор. – Сейчас она на антибиотиках. Жить будет, осложнения… трудно пока делать прогнозы. В любом случае но восстановление может уйти около трех месяцев. Я все-таки надеюсь на лучшее – молодой организм, нет хронических заболеваний. Но важно, чтобы девушка сама захотела выздороветь.

– Она же не все время спит? Это укол?

– Просыпается, бредит, сестренку зовет. Это, я думаю, медсестры лучше знают, можете поговорить. Можете прийти через день. Надеюсь, что сможем перевести ее из отделения интенсивной терапии в обычную. Но опять-таки, я вам абсолютно ничего не обещаю. Болезнь коварная, да и от са-

мого больного многое зависит. Пока скажу так: захочет жить – выкарабкается. У организма ресурсы есть.

Только Элис другого мнения. Я отлично понял, о чем говорит доктор при последующих приходах: Элис не спала, но и будто бы не просыпалась и все рвалась, рвалась к Грейс, так, что казалось и мое закаленное сердце сейчас не выдержит подобной боли.

Нелепо успокаиваю ее словами, что никуда не ухожу, хотя она явно обращается не ко мне.

– Моя маленькая, глупая и упрямая девочка. Что ж ты не хочешь вернуться до сих пор? – горько шепчу и целую ее в висок.

Я чувствую – я всегда хорошо чувствую свою девочку – как дрожь прокатывается по ее такому слабому сейчас телу. И пусть она не отвечает, пусть в очередной раз отправляется в свое безопасное забытье, но и она, и я знаем, что сейчас все будет по-другому. Время, которое Элис отвела себе побыть слабой, закончилось. Теперь пора карабкаться в жизнь, даже если она не будет привычной. Главное – карабкаться до победного.

-7-

Элис

Когда в моем полубольном бреду перестала появляться Грейси, я испугалась. Просто очнувшись в очередной раз поняла: совсем одна.

Нет сильной Элис.

Нет Элис, которая жила ради Грейс.

Нет Алекса.

Никого.

"Никто не придет".

"Даже не ждите никого".

"Вы никому не нужны".

Одна из нянечек в детском доме – она настаивала, чтобы мы к ней обращались только «мисс Райли», – всё время повторяла подобные слова. Повторяла их и когда мы дрались, и когда грустили, и когда баловались. Новенькие или младшие после неё плакали и ждали, когда придет мисс Уайт. Мисс Уайт была совсем другая, добрая, она не ругалась, даже когда младшенькие называли её мамой и обнимали. А мы, те, кто постарше уже начинали понимать: мисс Уайт – добрее, но права всё-таки мисс Райли.

Во время утреннего обхода доктор сказал, что я здесь уже больше трех недель, разрешил вставать, ходить, гулять во

дворике.

– Завтра сдадите контрольные анализы, будете под наблюдением, а послезавтра уже вас выпишем, – обрадовал он меня.

Точнее, радость моя была не совсем полной. Потому что я не была еще готова в одиночку столкнуться с реальностью. Квартира, которую сняла и даже внесла небольшой задаток, уже была сдана другим. Чат пестрел гневливыми сообщениями хозяйки о том, что не намерена ждать, когда я соизволю явиться и, раз не отвечаю на звонки и сообщения, она аннулирует нашу устную договоренность, а мой задаток – это компенсация за потраченные нервы. Попытка позвонить и объяснить ситуацию не увенчалась успехом: там уже жили другие.

Даже смешно. Когда я уходила из детского дома, думала, построю свою жизнь так, что все забуду мисс Райли, забуду завтраки, обеды и ужины точно по расписанию, забуду благотворительные вечера, когда мы перед какими-то дяденьками и тётеньками пели хором, рассказывали стихи, а затем они дарили нашему приюту мебель или технику.

Но нет. От себя и своего прошлого не убежишь. Даже спустя пять лет, стоя с выпиской из больницы, вспоминается именно прошлое. Доктор ставит подпись, даёт наставления. И я решаюсь спросить:

– Скажите, а вы не могли бы сказать, кто меня сюда привёз?

– Милая, так уже три недели прошло, как я могу это помнить?

Да, верно, надо было сразу, как очнулась спросить, но ведь так страшно было узнать правду!

– Но ведь он потом навещал... меня же кто-нибудь навещал? – почти с отчаянием шепчу.

– Мисс Элис, если вдруг вам станет хуже и не к кому будет обратиться, вы всегда можете позвонить в нашу клинику. К сожалению, я вынужден ответить отрицательно: к вам никто не приходил.

В висках снова начинают стучать слова сучки мисс Райли:

Никто.

Никому не нужна.

Даже не жди никого. Ни-ко-го.

Бросив на прощание жалостливый взгляд, доктор уходит.

Пусть уходит.

Пусть я одна.

Я опускаю взгляд на свои руки – бледные, с синеватыми венами. Сколько раз я сжимала их в отчаянии, ожидая чуда? Сколько раз разжимала, понимая, что чуда не будет?

Ничего страшного. Просто в очередной раз жизнь щёлкнула по носу: "Элис, чудес не бывает. Не в этой жизни. Не с тобой".

Пусть.

Я справлюсь. Сегодня и завтра еще буду набираться сил, потому что пока еще часто кружится голова и есть лёгкая

слабость. Никаких резких движений. Никаких необдуманных поступков. Надо начинать новую жизнь. На моей карточке есть деньги, ближайшие пару месяцев я точно не умру от голода, а потом устроюсь на работу. В конце концов, я умею шить. Пусть не дизайнерский платья, как мы мечтали с Грейс, но заменить сломанную молнию, ушить брюки, даже создавать выкройки могу.

Не получится – буду официанткой работать. Когда ситуация более или менее стабилизируется, рассмотрю возможность обучения, желательно подальше отсюда, возможно, в каком-нибудь маленьком городе. К тому времени, очень надеюсь, воспоминания о нас с Алексом уже не будут причинять боль.

А сейчас причиняют. Когда я звала к Грейс, кто-то же гладил мои волосы – совсем, как это делал Алекс?!

Когда я просила Грейс не покидать меня, я слышала слова «Я здесь. Я никуда не ухожу». И это был не голос Грейс.

Иногда кто-то брал мою маленькую ладошку в свою ладонь, крепкую, широкую – как у Алекса. Тогда, в бреду, казалось, что это правда Алекс, а не моё измученное болезнью сознание помогает выжить, подсовывая образ того, кого я сначала предала, а потом полюбила.

-8-

Входить в обычную реальную жизнь после трех недель в больнице – особое испытание. Временами – приятное, временами – тяжелое. Конечно, первое больше, когда рядом с тобой есть хоть кто-то близкий, но я сама сделала всё, чтобы этот близкий меня презирал и ненавидел.

– Интересно, думаешь ли ты обо мне, Алекс?

Вопрос, конечно, не озвучивается, зато в голове вертится с завидным постоянством. С одной стороны, кажется – да. Я даже хотела верить, что между нами какие-то чувства, что их невозможно так быстро вычеркнуть.

Вздох сожаления вырывается горьким, болезненным отголоском прошлых отношений. Если бы не новые обстоятельства, Алекс бы в эти минуты обязательно был рядом. Строго-настрого следил бы, чтобы я исполняла все предписания врача, с точностью до минуты контролировал бы время принятия лекарств, а от себя добавил бы море позитивных эмоций в виде цветов, интересных фильмов, медленных прогулок в безветренную погоду.

Беззлобно ругался бы, когда я капризничала, что лекарство горькое, грозился бы хорошей поркой за эти самые капризы как только окончательно выздоровею. Я бы, конечно, не знала, серьезно он говорит или только пугает, но на вся-

кий случай капризничала меньше.

Улыбаюсь, вспоминая похожие эпизоды, хотя болела я редко. Помню, как обрабатывал ладошку, когда я по своей глупости поранилась малюсеньким осколком стекла, дул на саднящее место и спрашивал, больно ли. Почти смешно, потому что от его ремня было больнее гораздо больше. Хотя потом я и его полюбила.

С другой стороны, кажется – нет, не думает, не вспоминает. Алекс вычеркивал предателей из своей жизни резко и навсегда. Даже если это близкие люди. Они с отцом после совершеннолетия Алекса практически не общались, а это, наверное, куда роднее человек, чем девушка, с которой живешь чуть больше года.

Поэтому пустые надежды следует оставить – это не самые лучшие помощники в период выздоровления.

Нахожу в интернете пару интересных объявлений о сдающихся квартирах, договариваюсь на просмотр. Скорее всего, заселюсь в ту, которую освободят быстрее всего. Все остальное – наличие современной техники, стороны, куда выходят окна, маркеты и школы поблизости – меня абсолютно не интересует.

Зато очень интересует телефон. Новенький айфон – естественно, подарок, Алекса, теперь казался почти бесполезным куском металла, так как сколько ни просматривай, сообщений, пропущенных звонков от самого дорого мне человека не было. Хотя почему не было, один был, только не от

Алекса, а от Эвана:

Мисс Элис, вы необходимо зайти в компанию мистера Алекса. Бухгалтер согласовал вам ежемесячный перевод для оплаты за квартиру на полгода. Вам просто нужно поставить подпись.

Да, помню, когда я уходила – когда Алекс прогонял меня – он упоминал, что несмотря ни на что, не может оставить меня без средств к существованию, но об этом я тогда думала в последнюю очередь. Сейчас, когда столкнулась с реальностью лицом к лицу, понимала, что мне это надо хотя бы для того, чтобы выжить. Отписалась Эвану простым «спасибо» и обещанием зайти в ближайшие дни.

А потом… потом наступил момент, когда я вышла из больницы и пошла в ближайший самый простой отель. Ливень, что лил стеной в день нашего расставания, уже уступил место скромно греющему солнцу. Оно не давало тепла, но и не позволяло окончательно окоченеть. Город был в легком тумане. Я заперлась в номере, строго запретив себе плакать. Именно поэтому я и выбрала отель, а не переночевать пару дней у Энни, Джулии или Майли – не хотела, не заслужила сочувствующих взглядов, попыток утешить или обнять.

День за днем, неделя за неделей я приучала себя к мысли, что у меня теперь есть только я. Даже на работу к Алексу пошла далеко не сразу и только под конец рабочего дня, будто темный лондонский вечер сделает меня невидимым для всех. Быстро поставила подпись. Хрипло произнесла:

– Большое спасибо мистеру Алексу. Думаю, в течение полугода я смогу встать на ноги и его помощь больше не понадобится.

Выбежала из бухгалтерии. Уже почти прекратившийся кашель вновь напомнил о себе першением в горле и, чтобы не привлекать лишнее внимание, забежала в туалет.

– Оу, вас мучает кашель? – миловидная блондинка, которая подкрашивала розовым блеском губки, едва заметно нахмурилась. – Знаете, если пройдете направо, там есть комната отдыха. Господин Алекс заботится, чтобы в холодильнике всегда было молоко. Вы можете подогреть и выпить. Давайте, я вас провожу? – предложила она.

Надо было отказаться и убежать. С первого, хорошо пусть со второго предложения уже было понятно, что она имеет близкое отношение к Алексу.

Девушка, она представилась Иви, излишне хозяйственно пошла впереди меня, пригласила в комнату отдыха, достала стакан и молоко. Я делала вид, что впервые здесь и, то ли как завороженная, то ли в неком оцепенении наблюдала за ней. Она здесь ради Алекса. Она с Алексом. И сейчас Алекс закончит дела, они поедут в наш любимый ресторан, а потом домой – в тот дом, который я теперь не имею права называть «наш дом».

Словно в подтверждении моих мыслей, ее телефон завибрировал, Иви взглянула на экран, ее губы дрогнули в едва уловимой улыбке, и она без промедления приняла звонок.

– Да, Господин. Я в комнате отдыха, помогала вашей гостье. Буду через минуту.

Я вцепилась за краешек стола. Кажется, от невыносимой боли, что кольнуло нет, не физически, а на каком-то другом уровне, закружилась голова. Представить не могла, что слово «Господин» по отношению к Алексу, произнесенное другой женщиной, может так сильно ранить. Надо было оставить это злосчастное теплое молоко и уходить, а я, будто прикованная к полу, осталась стоять, делая маленькие глоточки.

– Уходи, уходи, уходи, – говорила я в мыслях этой милой Иви, но она стояла, будто считая своим долгом убедиться, что я допила и благополучно ухожу.

– Ты заставляешь меня ждать, девочка, – раздался до боли знакомый строгий, с нотами раздражения голос в дверях. По привычке сердце затрепетало, будто малышка-колибри, попавшая в сеть. По привычке от такого голоса ягодицы едва ощутимо, но сладко заныли.

Не мне, не мне, не мне.

Эти слова адресовались Иви. И она сейчас тоже переживала что-то подобное. Ее губы приоткрылись, а на щеках выступил румянец. Алекс остановился, увидев меня, но быстро взял себя в руки. Едва заметно кивнув мне, он подошел к Иви.

– Простите. Простите, я ухожу…

Не знаю, было ли слышно, может, это я сказала про себя. Оцепенение прошло. Ощущение, что все это было не со

мной, что я – просто наблюдатель прошло тоже. И я неслась, неслась, чтобы не звонить и не ждать такси, неслась к остановке, чтобы сесть на первый приехавший автобус и быть подальше от Алекса и от той, которой он заменил меня.

-9-

Я заново привыкаю к одиночеству. Учусь находить в этой жизни для себя, вокруг себя плюсы. Да, во многом надуманные, даже временами смешные, но они не дают согнуться пополам от бессилия и горечи. Например, я могу готовить только то, что нравится мне, а могу вообще не готовить, тем более аппетит в последние дни просто отвратный. Я могу до полуночи смотреть телевизор или скроллить ролики разных блогеров. Могу целый день сидеть дома, даже не расчесывая волосы.

Это смирение. Там много всего неправильного, но они потихоньку помогают мне возвращаться к жизни.

Потом жизнь начинает наполняться маленькими смыслами. Я хочу, чтобы в маленькой квартире, что я сняла в районе Кэтфорд, стало уютнее. Покупаю маленькие сувениры, игрушки. Решаю более серьезно заняться своим здоровьем и хотя бы по часу в день гулять по зеленым паркам этого района. Да, я еще жалею себя: легкий дождь, небольшая головная боль – все становится причиной, чтобы пропустить прогулку. Но прогулов становится меньше. Чем больше дней без Алекса за моей спиной, тем меньше этой ненужной жалости.

Попутно ищу работу. Моя мечта шить дизайнерскую одежду не приближается даже ни на йоту – не переживаю.

В соседний кафе-бар требуется бариста – у меня есть неплохие навыки, частое посещение «Уголька» дало свои плоды, я знаю многие фишечки.

Всюду востребованы официантки, горничные – но не уверена, что выдержу сейчас такую нагрузку, может быть потом, если вопрос денег станет особенно остро? Пока останавливаюсь на варианте бариста, тем более кофе люблю, а от его аромата могу впасть в экстаз.

Владелец бара приглашает пройти собеседование, и это заставляет по-новому взглянуть на себя. Впервые за долгое время иду в парикмахерскую, наношу неброский макияж и проявляю социальные и профессиональные навыки. Меня принимают на работу, но относятся скорее как к подрабатывающей студентке, которая рада любой копейке и согласна впрягаться во все дела, на которые укажет администратор либо владелец.

«Алекс так не делал. Его бариста занимается проблемой творческой подачи кофе, придумывает коктейли с кофе, советует десерты к тому или иному напитку», – ругаюсь я про себя через месяц работы здесь. Я же не только делаю кофе, я и намываю кофейню, и принимаю поставки, работаю курьером, когда в баре что-то заканчивается. И уж тем более никто за меня не заступается, когда какой-то клиент решает выместить плохое настроение. Иногда за всю смену мне удается перекусить одним бутербродом, иногда к вечеру болят ноги.

И все равно так лучше. Моя жизнь постепенно наполняет-

ся людьми, не близкими, а случайными прохожими и посетителями. В ней мелькают лица, отодвигая образ Алекса дальше, дальше. Знаю, что Алекс – в нашей прежней жизни – был бы недоволен и условиями, и моим режимом, и осунувшимся лицом – пусть. На смену великому, поглощающему чувству вины, наконец, приходит что-то подобие злости. Мне даже малопривлекательные условия работы нравятся потому, что Алекс был бы в гневе и заставил бы меня уволиться через три дня.

Я ценю свое прошлое, и несмотря на всю боль, не хотела бы сделать так, чтобы в этой жизни никогда не было Алекса. Но прошлое не должно диктовать условия в моей новой жизни. Подхожу к зеркалу. В глазах нет прежней покорности, нет больничной усталости. Но сейчас меня больше привлекают мои волосы. Я стала блондинкой. Алексу нравился мой натуральный каштановый цвет и он запрещал трогать волосы. Но сейчас провожу по них руками и чувствую, что это *мое*решение, *мои*волосы, *моя*жизнь…

«Пусть теперь свою Иви контролирует, пусть она теперь беспокоится о том, чтобы угодить тебе», – бурчу себе под нос. Но такие мысли тоже вредны. Отсутствием воображения я не страдаю, поэтому перед глазами живенько предстает картина, как Алекс наказывает провинившуюся Иви. Как покорно опускается она перед ним на колени, направляя глаза точно в пол. Как вскрикивает от хлесткого удара кожаного ремня и как из ее глаз против воли брызжут слезы. Как за-

плаканная, но счастливая Иви прижимается к груди Алекса. Как чувство вины, тяжелым грузом давящая грудь уходит, уходит, уходит. А ему на смену приходит безмерное счастье, спокойствие и умиротворение, будто ты родилась заново, у тебя все впереди, а крепкие объятия Алекса помогут справиться со всем. Главное – слушайся его…

…*Они* приучали меня, готовили меня к нестандартным отношениям. Я научилась терпеть, переносить боль без того, чтобы не набрасываться на обидчика. Но ни они, ни я не учли одного – что в какой-то момент эти отношения станут для меня воздухом, лекарством, исцеляющим от душевной боли. И тогда я не смогу предавать того, кто научил меня заново рождаться после каждого наказания. А я не учла того, что, оказывается, есть черта, когда он не красноречиво смотрит на ремень, а выкидывает тебя из своей жизни, не давая ни единого шанса оправдаться, даже если ты остановилась в шаге от предательства и пришла с повинной.

Нет-нет, да прокручиваю этот день в голове, помню каждое свое слово, каждое слово Алекса. Едва вошла в его кабинет, рухнула на колени. Глаза в пол – все, как он учил. Все равно не смогла бы выдержать его взгляд.

Алекс считывает состояние за пару секунд, а может, и раньше. Голос суровый и холодный, будто он уже все итак знает:

– Рассказывай, Элис.

-10-

-10-

– Рассказывай, Элис.

Я ждала этих слов, и все равно они прозвучали неожиданно, резко, холодно.

Я готовилась.

Я знаю, *что* надо рассказать.

На этот раз в моих словах не будет ни капли лжи, не будет недосказанности, не будет сложных метафор, которые можно толковать двояко.

Все будет просто и честно.

Стараюсь унять дрожь на губах.

Есть слабая надежда, что Алекс простит. Накажет, естественно, я сама этого жажду, чтобы скинуть невыносимо тяжелый, пробирающий до костей, ломающий каждую мышцу груз вины. Но потом скажет, что я вовремя одумалась и он это ценит. Укутает в плед и отнесет на кровать, возможно, будет рядом, пока слезы боли не утихнут.

Если б не вот эта надежда, если б не этот сценарий в голове, решилась ли бы я прийти с повинной? Сказала бы правду, если бы была уверена, что выгонит?

Не знаю.

Возможно, молча ушла бы.

Алекс не повторяет дважды. Его приказ должен выпол-

няться без промедления. Иначе… иначе последует боль. Таковы правила. Знаю.

С огромным трудом собираю себя по кусочкам. Очень тяжело разлепить язык, внезапно прилипший к нёбу.

Нетерпеливое цоканье – знак того, что мне осталось не больше пары секунд. Или я собираюсь и говорю, или…

– Господин… – Нет, неправильно, сейчас не сессия, не наказание. Сейчас мы обычные люди, надо назвать его по имени. Нечестно взывать к его доминирующей сущности в поисках наказания и принятия.

Исправляюсь:

– Алекс, я хочу попросить прощение. Я … очень виновата…

Как же сложно, как мало, оказывается, слов, мне их не хватает, я не знаю, как их подобрать и соединить между собой. Все сложно в такой момент, когда мир кружится, сгущается, давит.

– Встать с колен. Сесть на диван. Говорить четко и по делу, Элис.

Пока выполняю указания Алекса, становится легче. Да. Теперь точно могу говорить.

Говорю…

Рассказываю про детский дом.

Про заброшенный дом недалеко от нашего приюта.

О том, что администрация приюта просила его снести, так как дети часто убегают туда играть или побыть наедине.

О том, что воспитатели старались пресекать подобные прогулки, но воспитанников много, а взрослых мало.

О том, что отец Алекса начинает масштабную застройку под новый ЖК.

О том, что во время очередной прогулки Грейс становится свидетельницей настоящей катастрофы: на соседней площадке обрушается недостроенный этаж из-за нарушения технологий.

О том, что Грейс это напрямую не затрагивает, но она видит клубы пыли, дыма; она слышит крики раненых рабочих, она видит тела под обломками. Она чувствует, как трещат даже стены заброшки.

О том, что Грейс замирает. Она не бежит обратно. Она будто переживает всю эту катастрофу внутри, становится ее жертвой на расстоянии. Врачи диагностируют просто психогенную афазию и надеются, что речь когда-нибудь вернется.

О том, что на самом деле Грейс лишается не только речи. Она практически перестает есть, пить. Она просыпается ночью от того, что не может дышать, потому что ей кажется, что это она находится посреди обломков и пыли.

О том, что заведующая детдома неоднократно обращается к отцу Алекса, но его подачек хватает только на витамины.

О том, что однажды ночью Грейс не просыпается.

Я не рассказываю это Алексу – я заново переживаю все это.

Моя Грейси. Моя сестренка. Которая из-за жадности

недобизнесмена лежит в сырой земле – одна, совершенно одна. Которая мечтала носить платья, которые я обещала шить специально для нее.

Слезы текут, их невозможно остановить.

Как я могла не мечтать о мести?

Где в этом мире справедливость?

Почему жадный бизнесмен живет и в новостях мелькаю его фото, его интервью, где он рассказывает о своем процветании?

Почему Грейс, чище и светлее которой никого нет, лежит в могиле?

Почему она не успела пожить не в детском доме, а в своей квартире или комнате?

Не успела надеть платье мечты?

Разве справедливо не мстить?

Поднимаю заплаканные глаза на Алекса.

– И ты посчитала, что за отца должен ответить я? Да, Элис?

Голос Алекса холодный. Он ни разу не проникся моей историей. Он не знает, что такое любить сестренку – единственного близкого человека. Он не знает, что такое терять ту, которая больше всех достойна счастливой жизни.

– Но ведь ты не смогла бы все эти пакости сделать сама? Был кто-то, кто учил, давал ниточку, наводочку, так? Ты была так ослеплена местью, что искала нужных людей среди моих врагов? Или они сами тебя нашли?

Несмотря на требование в голосе Алекса, дальше я уже говорить не могла. Слезы душили. Что-то похожее на икание вырывалось из груди. Все, что я испытывала, это непреодолимое желание исчезнуть. Из жизни Алекса. Из этого мира. Раствориться, будто меня и не было. Будто не было зла, какое я причинила ему. И даже то, что я остановилась перед самым разрушительным шагом, не могло оправдать меня.

Опять нетерпеливое цоканье.

Опять две секунды на собрать себя по кусочкам и продолжить ответ.

Нет. На этот раз не могу.

Вместо слов из меня вырываются кусочки рыдания.

Что ж, тем хуже для меня.

– Пошла вон, Элис.

Слова застывают в кабинете. Они висят в воздухе, не смея осесть на мне, на полу или где-либо еще.

Никогда Алекс так со мной не разговаривал.

Никогда до…

…до того, как узнал, какая я тварь.

– Миссис Элеонора в пять часов накроет на чай. Спустишься в гостиную и добавишь все, что посчитаешь нужным в свой рассказ. А потом соберешь вещи и уйдешь.

И через мгновение:

– А теперь – пошла вон, Элис.

Никогда шаги не давались с таким трудом. Ноги стали тяжелыми. Тело стало слишком грузным, и позвоночный столб

так и грозился согнуться.

Больше не я накрываю на стол ровно в 17.00 по выходным.

Он позвонит нашей домработнице.

Алекс не хочет чай из моих рук.

Он ничего не хочет из моих рук.

Если Грейс тихо умирала после обвала здания, я молча умерла в день своего покаяния. Точнее, только капля жизни и оставалась. Ровно столько, сколько надо, чтобы поведать Алексу о Них.

Дорогие, 10.02 будет прода от имени Алекса.

А пока приглашаю на страницы новинки

Развод. Сломленные. Исцеление (не)возможно

https://litnet.com/shrt/Zv3D

но в тумане я слышу слова свекрови о том, что когда сплетаются две разные нити, узор получается особенно красивым.

Мой Аллах! Какие нити! Какой узор!

Что за привычка прятать непристойную действительность за красивыми метафорами! По ее мнению, я должна буду строить нашу жизнь, впуская в нашу семью эту нить по имени Зейнаб? Свекровь хотя бы старается скрасить горькую пилюлю. Сайид режет правду-матку в глаза:

– Тебе придется смириться, Ясмин. Когда я соглашался на твои условия, не знал, что сможешь родить только одного Эмина. И я лично прослежу, чтобы ты достойно встретила и уважительно отнеслась к моей жене и матери моих будущих детей.

Последние слова он добавляет с особенно жесткой интонацией. Значит, все точно решено. Значит, спорить бесполезно.

Буду очень вам благодарна за звездочки на титульной странице книги. Добавляйте в библиотеку, чтобы не пропустить новые главы. Спасибо!

-11-

Дорогие читатели, глава может показаться немного жесткой. Напоминаю, что наш герой мужчина-доминант. Если его фетиши считаете неприемлемыми, вы можете пропустить данную главу.

Алекс

Хлесткие удары плети заставляют краснеть нежную женскую кожу. Я не вижу ее лица. Зато слышу голос. Ее голос и голос плети смешиваются, образуя чувственную песню, имеющую собственный ритм, собственный рисунок. Легкий свист в воздухе, щелчок, сдавленный полукрик и рваное дыхание. Снова свист, снова щелчок, и снова последними аккордами в этой музыке звучит дыхание.

Она полностью обнажена. Руки связаны для ее же безопасности. Вблизи нее можно ощутить легкий аромат розы. Вероятно, натерлась розовой водой или маслом. Люблю хороших девочек, которые тщательно готовятся к нашей встрече. Россыпь каштановых волос спадает ниже плеч, струится, пробуждая ненужные воспоминания.

Плеть продолжает свистеть – резко, безжалостно, рвется навстречу к коже той, которая жаждет эти жалящие прикосновения. Рваное дыхание, наоборот, выравнивается. Если я сейчас все закончу – будут слезы, она уже близка к своему

кайфу, она уже растворяется в своем болезненно-огненном удовольствии. Позволяю ей еще немного покачаться на волнах наслаждения и более сильными, резкими ударами возвращаю в реальность – нельзя идти на поводу всех желаний, для ее же безопасности нельзя.

Все правильно.

Она получила то, за чем пришла.

Теперь ее очередь.

– Разрешите, Господин?

Голос – чистый ручей, как у нижней, которая только что хорошенько выплакалась.

– Да, девочка.

Сажусь на кресло, широко расставив ноги. Чуть помогаю, когда она возится с пряжкой ремня. Девочка старается отблагодарить за удовольствие, сосет на пятерку с плюсом, вкладывая в дело не только руки и язык, но и душу. Любуюсь каштановыми волосами, что частично прилипли к чуть вспотевшей коже. Представляю не ее, а …

…черт, представляю ту, которую надо вытравить из сердца.

Элис выписалась из больницы, пришла в себя, у нее есть средства к существованию. Это – базовая информация, которую я еще имею право искать и знать хотя бы из чувства ответственности. Большего не надо. Нельзя. Большее стоит включить в разряд табу для себя.

И кой черт Иви вздумала приглашать ее в комнату отды-

ха и отпаивать молоком! Видел растерянное, вытянутое из-за болезни лицо Элис, что, к слову, ничуть ее не портило. Волосы цвета спелого каштана чуть отрасли. И взгляд – как никогда покорный и потерянный. Но даже такой вид способствовал появлению навязчивых мыслей и желаний – дать ей все, что могу и даже немного больше, а потом долго трахать – не жестко, а медленно и с наслаждением.

Жидкость заполняет рот Иви, течет по щекам, подбородку. Отстраняюсь от нее. Плохая была идея в тот же вечер настоять, чтобы Иви перекрасила волосы в каштановый цвет. И зря она согласилась на это. Иви хорошая и послушная девочка, а не суррогат Элис.

– Как ты, девочка? – спрашиваю Иви, которая еще стоит на коленях перед креслом. – Мне пойти за мазью?

– Нет, Господин, – кротко и чуть устало улыбается девочка. – Мне будет приятно как можно дольше помнить ваши прикосновения.

Глажу ее по волосам, ласково очерчиваю скулы:

– Ты умница, Иви. Только больше никаких «господинов», простого «сэр» достаточно. Умойся и проходи на кухню, ты точно заслужила горячий шоколад и теплый плед. А затем я вызову тебе такси.

-12-

Было немного жестоко отпускать Иви домой через час после сессии, однако еще более жестоким было бы давать ей шанс думать, что между нами могут быть отношения. Я уже допустил ошибку, позволяя ей подойти ближе, чем следовало. Ни к чему было помогать своей нижней с работой, тем более устраивать в центральном офисе, где мне приходится бывать почти каждый день.

Не удержался. Купился на фигуру и лицо – копия Элис, только блондинка. Теперь из-за моей слабости придется страдать Иви: она ведь явно рассчитывает на большее, чем пара сессий в месяц. Вчера, кстати, она расстроилась. Виду не подала, конечно, не посмела.

С другой стороны – почти сорок минут тепла, сладкого шоколада, объятий и щепотка пустой болтовни – достаточно, чтобы прийти в себя и вернуться в обычную жизнь вне сессии. Свои обязанности верха знаю и выполняю в любых условиях.

Как бы ни хотелось расстраивать девочку, но звоню в офис в Саттоне и улаживаю вопрос о том, чтобы Иви предложили работу старшего маркетолога с зарплатой, превышающей ее нынешнюю на 15 процентов и дали толкового ментора, чтобы вести в курс дела. Думаю, через недельку даже найду час

свободного времени, чтобы лично отвезти и представить ее директору. Уверен, что за девочку не будет стыдно: Иви умненькая и способная к обучению. К тому же, она не пустышка, у нее есть амбиции. Покладистая со мной, на жизнь Иви не смотрит сквозь розовые очки.

– Мечтаешь о романтике? – спросил я ее при первом знакомстве на выставке жилья. Она тогда стояла возле плакатов с видами Лондона – яркими, красивыми.

Иви протянула:

– Если честно, мечтаю о кресле с видом на Сити.

И это тоже в ней подкупило. Она, как и Элис, была амбициозна и сильна, расслабляясь во время и короткого времени после сессий. Единственным бестолковым поступком Иви было позволить нам с Элис встретиться. Думаю об этом и нажимаю «отправить» – письмо с рекомендациями для Иви ушло в Саттон. Супер, даже помогая Иви, пятьдесят процентов моих мыслей крутятся возле Элис. Въелась же под кожу, зараза!

Вообще если не слишком увлекаться, самокопание, рефлексия полезная штука. Но она не должна мешать делу. Вот сейчас – не мешает. Выруливаю на трассу и направляюсь в Лутон: город, хоть и гораздо меньше Лондона, но видится мне перспективным для инициатив с постройкой бюджетного жилья для среднего класса. А мультиформатный строительный форум предполагает, что гостями мероприятия будут представители разных кластеров отрасли. К тому же мне

уже предлагали рассмотреть в качестве места строительства один довольно лакомый кусочек земли Лутона.

Из Лондона выехал, потратив на это около часа, впереди – кайф на трассе. «Погнали, родная», тихо говорю своей ласточке.

Включаю музыку. Отпускаю все мысли, только трасса, скорость и я.

Лутон недалеко – чуть более пятидесяти километров, но пока доеду до гостиницы «Линтон» как раз около часа и пройдет.

Наконец, темная ночь разбавляется уютными огнями небольшого города. Предвкушаю ночь в гостинице наедине с собой. Здесь ничто не будет напоминать о проблемах по работе, о моей, наверное, бестактности по отношению к Иви, о предательстве Элис. Мне надо было уехать из Лондона дня на три даже больше, чем попасть на строительный форум.

Музыку в моих наушниках прерывает трель телефона. В это время может звонить только Эван. Раньше могла себе позволить Элис. Разок, несмотря на запрет, попробовала и Иви – пришлось больно объяснять, что так поступать не следует.

Значит, Эван.

Значит, что-то важное.

Друзья, в преддверии 14 февраля Литнет дарит промокод *VALENTINKA10*на скидку 10%.

Активировать скидку смогут только первые 2000 читателей. Акция действует до 15.02.2026 23:55 по Мск. А еще на книгу про Алекса, Егора и Лику ("Оставь свою жалость для (себя) меня") в честь праздника 14.02.-16.02. приятная скидка. https://litnet.com/shrt/6tBD

-13-

Алекс

– Простите, сэр, – извинения Эвана простая формальность. Он лучше других знает, когда меня можно набирать в любое время суток, а когда лучше подождать начало рабочего дня.

– Говори, Эван.

Настроение уже чуть подпорчено, так как жду не очень хорошие новости. Хорошие столь срочными не бывают.

– Возможно, я чуть перестраховываюсь, сэр. Возле Элис крутится подозрительный тип.

– Понял, Эван. Сейчас уже ночь. Если считаешь, что есть угроза ее физическому состоянию, пошли кого-то из охраны, пусть ненавязчиво наблюдают. Сделай это при малейшем подозрении на наличие угрозы, Эван! Если что-то из серии покрутился возле ее работы, а потом незаметно проследил до дома – сутки на сборы информации и данные в виде файла мне на почту.

Отключаюсь.

Иллюзия беспечности и возможности расслабиться исчезает на глазах.

Эван перестраховщик. Есть в нем это качество. А еще у него есть поразительная способность делать то, что в моменте кажется не важным, не существенным, а в долгосрочной

перспективе оказывается, что именно оно стало спасением. До сих пор благодарен за то, что не стал ждать указаний, а отвез Элис в больницу.

Элис, Элис, везде эта чертова Элис! Даже сейчас, уже поднимаясь в номер, думаю о ней.

Пташка. Маленькая беззащитная пташка, которую надо спасать и за которой надо присматривать – вот кто она была для меня. То в баре к ней подсядет страшный громила с завуалированными под приличные неприличными предложениями; то пива прольет на платье; встанет с постели вовремя, все сделает правильно и …опоздает на важный семинар, на который так хотела попасть и который я ей оплатил. Сам тащился, спасая ее от всего, что можно и нельзя; доходчиво – так доходчиво, как только верх может объяснить нижней – объяснял правила выживания в большом городе, приучал к дисциплине.

Сердце болезненно подпрыгнуло и застыло, когда узнал, что половина ситуаций – искусно подстроенные манипуляции. На мгновение шоры слетели с глаз – передо мной стояла не птичка, а зубастая акула, готовящаяся оставить от меня в лучшем случае косточки. Но как же больно без шор! Как же не хотелось окунаться в эту грязную действительность, где самым пакостным оказался не враг, не хитросделанный конкурент, а твоя милая пташка.

***

Листаем дальше, еще глава.

-14-

Элис

Скоро Новый год и хозяин заведения уже завез всевозможные игрушки, гирлянды, а завтра должны привезти елку. Работы прибавится, но я в сладком нетерпении. Это мое любимое! Это самые приятные хлопоты! Не так уж много в моей серой жизни радости, чтобы добровольно отказаться от столь приятных ярких пятен!

Мне очень нравилось украшать дом Алекса к Новому году. Ну и что, что это было всего один раз. Я без его разрешения еще и в «Уголек» заявилась, и там помогала администратору и девчонкам. Тогда еще пугали вирусом гриппа, и Алекс запретил без надобности посещать любые общественные заведения, даже свое детище.

Никакие уговоры не помогли! Я почти плакала, обещая, что точно не заболею, что надену маску и даже на секундочку не сниму ее. Бесполезно!

…Почти год прошел с того дня.

– Дик, Элис, с вас к завтрашнему утру елка. Дик высокий – дотянется до макушки, Элис отвечает за эстетику! Дик, ты за безопасность!

Девчонки вздыхают: каждой хотелось бы наряжать елку, да хоть что делать вместе с Диком. Этот новенький всех мисс в нашей кофейне очаровал. С другой стороны, поручать это

Энни или Розмари, например – провальная затея, проспят обязательно.

– А домой пораньше отпустите, это ж нам часа на два раньше придется вставать? – дерзко, но красиво спрашивает Дик хозяина.

– Нет-нет, пожалуйста, я хочу, я буду украшать, я безумно люблю рождественские елочки, – перебиваю его. Я не хочу, чтобы это делал кто-то другой, елочки и Новый год – мой фетиш. Я хоть во сколько согласна вставать ради этого!

Хозяин доволен.

– Но мы требуем полноценный обед ровно с 13.00 до 14.00, а не перекусы на бегу! И мы возьмем самые шоколадные пирожные за счет заведения! – не сдается Дик.

– Ты тоже любишь шоколадные маффины? – интересуюсь у него.

– А то! И елку украшать тоже не против. Просто выставляю границы, чтобы в будущем на шею не сели, – добродушно поясняет Дик.

С Диком интересно! Душка – вот именно про таких, как он так говорят.

Но когда в семь утра мы с ним находимся в помещении бара-кофейни одни, почему-то становится… неуютно, как-то небезопасно, что ли. Даже прелесть новогоднего предвкушения будто пропадает. И дело не в том, что Дик как-то пристает, грубит или прочие вполне объяснимые вещи. Это какая-то другая тревога. Мне не нравится его взгляд – но не

всегда, а когда он думает, что я не замечаю. Почему-то актуализируются воспоминания *о них*. *Они*тоже вроде были предельно вежливы. Всегда. Но будто в подкорку мозга вшита информация о том, что таких ослушаешься – пожалеешь.

Ругаю себя, что позволяю прошлому влезть в настоящее, а то навязчивых мыслей об Алексе мне мало!

Помню, что все-таки пришла в том году в «Уголек». Ах, с каким наслаждением делала маленькие хвойные букетики там, прятала внутри конфетки, а еще делала небольшие гирлянды из засушенных долек апельсина и хвои. Это был непередаваемый аромат, непередаваемая атмосфера. Это было волшебно ровно до той минуты, как голос, негромкий и спокойный только на первый взгляд, не прокомментировал ситуацию как «вот это сюрприз».

Испугалась ли я тогда? Боялась ли я его наказаний вообще? Боялась, особенно когда он сердился всерьез. Но меня всегда спасала убежденность, что Алекс – справедлив, что я могу ему полностью доверять. Даже наказывая, он никогда не причинит мне вред. Выдерживать его заботу после без слез удавалось куда сложнее.

И сейчас мне хотелось плакать.

Да, я не послушалась! Но я же сразу сказала, что не согласна с его решением. Даже если заболею – это будет моя ошибка и мне ее исправлять, мне лечиться. Неужели какой-то противный вирус должен стать препятствием на пути к новогоднему счастью?

Больше Алекс ничего не сказал. Ему и не надо было. Его недовольство я чувствовала каждым сантиметром своего тела. Целый час он решал какие-то дела, занимался документами. Что-то куда-то надо было отвезти… А у меня в голове только две мысли: «я виновата перед Алексом, я его ослушалась» и «Я не сделала ничего плохого. Я же сразу сказала, что люблю быть в гуще предновогодней суеты».

Нарочитое игнорирование убивало. Я была готова просить прощение, сама просить о наказании. Я даже пару раз пыталась сказать ему об этом, принося то кофе, то чай в кабинет. Но каждый раз натыкалась на суровый взгляд и вот это страшное слово:

– Дома поговорим.

Не поговорили.

Прошел долгий час до того, как мы поехали домой.

Когда Алекс сердился, он не позволял садиться рядом. И в этот раз пресекает попытку сесть к нему поближе, кивает на заднее сидение. Я не хотела, чтобы и в этот раз так было. Моя беда и мое спасение – это ослиное упрямство, исправить которое даже Алексу не по силам. Оно просыпалось редко, но обладало просто могучей силой. С ним я справляться не умела. Поэтому через страх прошептала:

– Тогда я с тобой не поеду.

Я до сих пор не понимаю, как осмелилась озвучить это!

Просто никто не имел право забирать у меня даже маленькую частичку Нового года. Это я точно знала. Поджала губы

и сделала шаг назад.

…я не знаю, видимо, это загадочное ослиное упрямство действительно обладает могучей силой. Даже Алекс подчинился ему. Открыл дверь и жестом пригласил сесть рядом.

– Глупая девочка, во ты кто, Элис! Мне проще, если заболею я, а не ты. Я даже представлять не хочу, что через день ты сляжешь с насморком и температурой, глупая!

Не могу возразить. И все же несмело поднимаю глаза:

– Спасибо. Я …ценю это… Спасибо, что не сильно сердишься, я бы не хотела…

– Если б не видел твои глупые счастливые глаза, когда ты занималась своими букетиками и вдевала нитки в дольки апельсина, не уверен, что твоя задница не пострадала бы, – сердито ворчит Алекс.

Я счастлива. Я почти плачу от счастья и несмело целую губы Алекса, губы своего Господина, своего Бога в этот миг.

В тот день Алекс не поехал никуда с документами. Он набросился на мои губы, словно это была самая сладкая новогодняя конфета. Мы отъехали в более безлюдное место.

Ох, Алекс все же наказал тогда, сладко-сладко. Губы стали опухшими от силы его напора, на груди остались яркие следы его страсти, да и красные пятна на бедрах от хватки его железных рук не сразу стерлись. А я… я оказалась в каком-то ином измерении от его напора, от его силы, от его жесткой заботы. Я не знаю, как Алекс смог сесть за руль после всего, меня еще долго покачивало от переполняющих

ощущений абсолютного счастья и любви.

– Что с тобой, Элис? Ты как будто не здесь сейчас? Все хорошо? Может, чашку чая? – заботливо спрашивает Дик. Но его забота кажется какой-то не такой, неправильной. Возможно, на фоне заботы Алекса, мне всегда так будет казаться.

– Нет, все хорошо, вспомнила прошлый Новый год. У меня тогда была совсем другая жизнь, но это не важно. Эта тема вообще закрыта.

Дик не настаивает, но в его взгляде мелькает что-то хищное, какое-то злобное удовлетворение, что ли?

…Господи, да что я несу? Разве не Алекс – хищник, который смог выкинуть меня из своей жизни? Разве не его отец – хищник, для которого деньги были важнее жизни людей? Не хватало все это на бедного Дика проецировать, Элис!

– А вообще, ты прав, Дик, от чашки чая бы не отказалась. И шоколадки!

-15-

– Какая красота, ты глянь, в наш кафе-бар теперь точно всех тянуть будет: и детей, и родителей, и даже бабушек и дедушек. За два часа такое чудо сотворить!

Розмари заливалась соловьем. Будто бы и передо мной, на самом деле больше перед Диком. Даже интересно наблюдать, как она будто нечаянно задевает его, постоянно оказывается рядом с ним и ей резко оказывается невозможным дотянуться до бокала, ручки или чего другого без помощи Дика. А мне без разницы, почти интересно. Даже то, что в ее словах нет-нет да звучат мысли о том, что одна я бы точно не справилась – не обижаюсь. Нравится ей Дик – пусть забирает, буду рада, если в нашем небольшом коллективе образуется сладкая парочка. Я уже узнала, что такое любовь – спасибо, больше не хочу.

Нет, чувство прекрасное! Теплое, согревающее. До Алекса я и думать не могла, что способна чувствовать что-то подобное, что один взгляд, одно прикосновение заставляет порхать весь день, а потом еще и снится. В моей жизни была только Грейс. Но моя любовь к ней – это совсем другое.

Любовь к Алексу вспыхнула во мне не внезапно и со всей силой. Скорее, мое сердце собирало ее как мозаику. Сначала – никаких чувств, только обыгрывание роли по прописанному *ими* сценарию. Играла такую, какая нравится именно ему

– покорную, податливую.

Сложно было только в первый месяц. Я привыкла, что в детском доме стою горой и за себя, и за Грейс. А здесь училась подчиняться голосу, понимать и слушаться по интонации, с пониманием и радостью принимать наказания.

Как же я была зла на него, на наши отношения! Иногда колотила подушку, иногда ходила в тир, представляя на месте мишени сердце Алекса. Становилось легче. Домой возвращалась покорная Элис, которую знал Алекс.

Но все это очень быстро сошло на нет. В очередной раз стреляя в тире я попыталась представить, что бью по Алексу и … расплакалась. Не могла понять, на кого же я злюсь. Оказалось – на себя. За то, что больше не играю, за то, что вдруг оказалось жизненно необходимым греться в объятиях

Алекса, чувствовать его руку у себя на бедре.

*Их*ошибка – подготовили меня к боли, но забыли сказать, что после этого последует такая забота, от которой будет сносить крышу, будут катиться слезы, а затем наступит райское умиротворение.

Я даже начала ревновать Алекса, хотя поводов он не давал. Наверное, даже к Лике я бы приревновала, если б не знала, что она замужем и их отношения никогда не выходили за рамки «наказание – тепло и забота»*.

Я испугалась. Так не должно было быть. Оправдывалась перед собой, что это не любовь. Я не планировала влюблять-

ся, любить и прочую чепуху. Только не я! Только не в этой жизни! Успокаивала себя, что просто попала под обаяние успешного и красивого мужчины, что это временно.

Нет! Все становилось куда серьезнее. Боролась с собой, корила себя, что влюбляясь в Алекса, восхищаясь им, я предавала Грейс, предавала *их*.

Однако мозаика любви выстраивалась с поразительной скоростью. Алекс и его отец уже не сливались для меня в единый образ. Да и я к тому времени знала о непростом характере их отношений, то есть об их отсутствии вообще.

Я умирала, представляя терзания Алекса, когда месть Николаса разрушит его бизнес – до основания. Тогда я еще считала, что дело только в бизнесе, что страшная месть ограничивается разрушением дела и разорением активов.

Я долго собиралась. Было страшно. Минуя посредников, я отправилась к самому Николасу – главному среди *них*.

Я ни разу не была в его доме. Только сейчас увидела, что его даже можно было назвать особняком. Тогда я впервые подумала: Николас вполне обустроен в жизни, что бы он раньше мне не рассказывал, гибель отца под обломками того дома, разрушения которого стала свидетелем Грейс, не так уж его подкосила.

– Глория, принеси нам два черных чая и яблочный пай для Элис.

Домработница согласно кивнув, ушла на кухню. В кабинете Николаса нас осталось двое.

Облегченно вздыхаю. Если Николас настроен на угощение, возможно, есть шанс объясниться и объяснить, что сын не должен отвечать за ошибки отца.

– Присаживайся, Элис, – кивает он на стул напротив себя. – Или тебе теперь привычнее стоять на коленях?

Шутка, подкол вообще не смешные, а обидные, но приходится молча проглатывать. Пусть! Главное, чтобы внял моим словам. А я в этом до сих пор очень сильно сомневаюсь. Пытаясь настроиться на … даже не то, что разговор, скорее, переговоры, делаю маленький глоточек чая. Слишком крепкий, слишком горький, во рту неприятно вяжет.

– Попросить, чтобы принесли сливки или молоко? – догадывается Николас. Ему вообще удается «читать» людей.

Прочищаю горло. Давай, Элис, сейчас или никогда. Стараюсь говорить внятно и уверенно:

– Я хочу аннулировать нашу договоренность. Я считаю, что Алекс не должен отвечать за отца.

Николас заливисто смеется. Долго смеется, смеется со вкусом, обнажая ряд белоснежных зубов.

– Неужели понравилось подставлять зад под плеть Алекса? Извращение заразно? Женщины, женщины…

Неприятно, но я опять проглатываю вырывающийся наружу грубый ответ.

– Он не извращенец. Алекс ответственный, справедливый и очень заботливый. И кстати, в отличие от отца, Алекс зациклен на безопасности своих сотрудников.

– Его забота, Элис, мне не вернет отца, не вернет твою сестренку. Впрочем, ты вольна делать, что хочешь. Но должен тебя кое о чем предупредить.

Я знаю, что в меня много вложено. Поэтому заранее согласно киваю головой:

– Я буду работать, могу перечислять вам часть зарплаты до конца дней своих… Я могу….

Снова раскатистый смех, но на этот раз он прерывается гораздо быстрее.

– Вряд ли ты будешь долго работать. Пей чай, а я пока тебе кое-что расскажу…

Нет никакого желания пить этот горький чай, но я почему-то послушно глотаю.

– Знаешь, Элис, я, наверное, никогда тебе не рассказывал. Расскажу сейчас. Я представляю нашу маленькую месть Алексу в виде торта. Красивого, безумно вкусного, многоярусного и с вишенкой, теперь точно уверен, что обязательно с вишенкой…

* Лика – героиня книги “Оставь свою жалость для (себя) меня”

***

Дорогие мои!

Нравится читать про сильных, суровых, но справедливых мужчин?

Книгу «Мой хан. Покорюсь тебе»

на этой неделе можно взять напрокат по 50% стоимости.

https://litnet.com/shrt/wtLL

Отчего-то становится больно. Я не хочу его разочаровывать, но и быть игрушкой тоже не хочу. Тело, хранящее следы плети, умоляет убрать лепешку на место и снять уличное платье. Сердце бьется, прося оставаться на месте и не уступать этому варвару хотя бы в таком безвинном действии.

Кажется, мы стоим целую вечность. Давит все. Огромное мускулистое тело Хана, что закрывает собой выход. Еще больше давит его тяжелый взгляд. Да эта проклятая плеть, которая нет-нет да и бросается в глаза тоже давит, вызывая легкую дрожь в теле. Но я не двигаюсь с места. Я должна иметь хотя бы маленькую свободу. Каждый человек должен иметь право на определенную долю свободу, пусть даже это будет выбор покормить Звездочку сегодня или завтра.

Майя

-16-

– Элис, такое чувство, будто спишь на ходу! Кажется, всю работу за тебя Дик выполняет. Хватит третировать новенького.

Розмари отчасти права. Этот Новый год дался мне тяжело. Прошла неделя после праздников, а я никак не могла вступить в новый год новыми силами. Наоборот, казалось, уходят последние силы.

Я действительно в последнее время мало и плохо сплю. Возможно, стоит обратиться к невропатологу, потому что если так будет продолжаться, упаду прямо на работе. Мое состояние заметил даже хозяин и предложил пару дней отлежаться дома. Вежливо отказываюсь. Три праздничных дня, когда в городе работали только крупные заведения стали для меня кошмарными. Не покидало тяжелое ощущение, что рядом со мной постоянно кто-то есть, кто-то невидимый следит за мной. Что кто-то появляется в доме, когда меня нет. Иногда всерьез задумывалась о том, чтобы поменять квартиру, но не хотелось беспокоить хозяев в праздничные дни.

Я была благодарна Дику за помощь. Он не позволял выполнять тяжелую работу, все время был на подхвате. А однажды, когда я пришла на работу, поспав всего пару часов и успела до обеда перепутать два заказа, закрыл в комнате для

персонала, накинул плед и велел отсыпаться.

Пытаюсь слабо протестовать, что сегодня работаю всего лишь до шести, еще четыре часа смогу продержаться, но у Дика железное алиби: хозяин уехал и заглянет ближе к пяти, можно смело отдохнуть пару часов.

– Откуда ты здесь появился, такой понимающий и оберегающий? – говорю с благодарностью. Но моя паранойя в последние дни достигла такого предела, и мне мерещится – который раз! – злобная ухмылка, только в глазах, только на мгновение.

«Ладно, дома, там тебе кажется, что кто-то трогал книги, кто-то открывал твой ноутбук, но здесь-то ты точно в безопасности, Элис». Уговариваю себя прилечь и действительно, засыпаю, едва мое тело опускается на мягкий диванчик.

Ближе к пяти Дик разбудил меня тихим стуком.

– Хозяина нет, но, думаю, тебе стоит выпить кофейку и показаться перед гостями, – мягко сказал он. – Незачем давать повод для сплетен.

Прикрываю рот ладонью, чтобы не показать зевоту. Да, утром, кажется, я съела яблоко и йогурт, сейчас почти вечер, кофе и сладкое было бы очень кстати. Тем более зевота так и не проходит. Взгляд останавливается на маленьком подносе, что Дик поставил на столик.

Аппетит мгновенно пропадает, сон как рукой снимает. Я как будто снова попадаю в дом Николаса. Торт с вишенкой… Слова Николаса. Не надо, пожалуйста, я же не сделала ниче-

го плохого и готова заплатить. Картинка из прошлого будто покрывается рябью, исчезает. Облегченно вздыхаю.

– Девочка, Элис, милая, что с тобой? Ты вся побледнела! Я принес кофе и маленький кусок торта. Ты следишь за фигурой? Так и так как тростиночка же, милая. Давай, подкрепись и выходи в общий зал. Мы ждем тебя, хорошо?

Дик уходит.

Пытаюсь выровнять дыхание. В нашем кафе много пирожных. Я не помню, чтобы была пирожное или торт с вишенкой. Откуда Дик его взял? Это просто совпадение? Это только я вижу во всем подтекст?

В желудке урчит, но ничто не заставит меня съесть кусочек этого торта. Это символ моей расплаты, символ моего предательства и мести, и в конечном итоге – это знак моей смерти. Даже не хочу вспоминать те слова Николаса. Зажмуриваю глаза, залпом выпиваю кофе, а пирожное отправляю в мусорку. Сверху накидываю бумагу, чтобы зловещая вишенка перестала смотреть мне прямо в глаза.

Я так не могу, я завтра запишусь к врачу. Ромашковый чай и мята оказываются бесполезной ерундой в борьбе с моими ужасами в голове.

Однако этот день, хоть и дал передышку в виде сна, оказывается, подготовил испытания посложнее.

Не помню, в какой момент атмосфера в зале меняется. Не для всех – для меня. Слишком знакомое ощущение. Слишком радостное, мучительно-восторженное, пробуждающее

много ненужных воспоминаний.

Даже не оборачиваясь, понимаю, что за одним из столиков сидит Алекс. Я знаю его взгляд. Я умею чувствовать его спиной. Сердце перехватывает, но я должна обернуться. Вежливо обслужить. Все, что я должна – вежливо обслужить.

– Здравствуй, девочка.

Голос, такой родной заполняет всю изнутри, ласкает своим тембром.

«Девочка».

«Девочка»!

Он не сказал «Элис». Автоматически облизываю губы:

– Здравствуйте, Господин.

Что я творю! Времена, когда он был моим Господином, канули в Лету. Спешно исправляюсь:

– Вам принести меню, господин Алекс?

Вместо ответа – строгий взгляд. Сканирует меня с головы до ног. Каждую эмоцию чувствую сердцем. Новый цвет волос – не нравится, легко покачивание головой выдает это. Есть вопросы к моей фигуре – да, я похудела, это все нервы в последние дни. Смотрит прямо в глаза – во взгляде тревога и забота обо мне.

Нет! Это мне хочется так думать. Это какие-то запоздалые афтершоки наших отношений заставляют меня так думать.

Из оцепенения выводят слова Алекса:

– Присядь, девочка. Нам надо кое-что обсудить.

Беспомощно смотрю по сторонам. Так нельзя, но хочу,

чтобы Алекса обслужила Энни, Розмари, Дик – кто угодно, но не я. Алекс и это предугадывает:

– Тише, тише, девочка. Ты же понимаешь, что я не поесть сюда пришел.

Как болванчик киваю головой. Да, понимаю. Но зачем пришел – не понимаю. Голос становится более требовательным:

– Сядь уже, Элис.

Холодок пробегает по позвоночному столбу, хотя понимаю, умом понимаю, что Алекс ничего не сможет сделать – ни наказать, ни поругать, ничего. Что больше в этом понимании – облегчения или разочарования – сложно сказать, но я сажусь. Не знаю, куда деть руки. В горле становится сухо, снова нервно облизываю губы. Алекс передвигает свой бокал с водой. Автоматически отпиваю глоток. И одна только мысль – только что Алекс тоже оттуда пил – создает какое-то невероятное тепло внутри.

Алекс дотрагивается до моих подрагивающих пальцев:

– Думаю, теперь ты готова говорить?

Это сродни ласке, это как забота – такая, какую может дать только Алекс. Слезы сами текут по щеке. В них столько боли!

Я же потом буду эти прикосновения ночами вспоминать! Они станут проклятыми воспоминаниями, которые не дадут мне строить жизнь без Алекса.

– Ну почему ты пришел, почему? – вырывается у меня помимо воли.

– Расскажу. Сейчас, девочка. – Алекс пальцами вытирает слезы. Не помогает, конечно. Этим он, наоборот, открывает какой-то нескончаемый поток.

– Прости, мне надо в дамскую комнату.

Алекс согласно кивает:

– Девочка! Только не вздумай убегать. У тебя 10 минут.

Плачу и улыбаюсь одновременно. Плачу – потому что во мне оживает та часть, которую я пыталась уничтожить, та часть, которая жизни не мыслит без Алекса. Улыбаюсь – потому что в Алексе, как бы он ни пытался сдерживаться, вырывается доминантное начало. С которым безопасно. С которым хорошо. С которым можно превращаться в маленькую, в меру капризную девочку.

Не знаю, прошло десять минут или пятнадать, но Алекс просто по-доброму улыбается, когда я возвращаюсь обратно. Алекс заказал рис и рыбные палочки – в нашем кафе-баре нет изысканной кухни, но сносно пообедать или поужинать можно. Мало того появляется Дик с бутылкой белого вина. Вопросительно смотрю на Алекса, но Дик на мой вопрос отвечает быстрее:

– За счет заведения, сэр. Думаю, вам надо поговорить. Не буду мешать, вы сами нальете вино вашей спутнице.

Все это несколько странно. Почему за счет заведения? Почему Дик ведет себя, как владелец кафе? Подобная щедрость у нас никогда не практиковалась. Почему Дик вообще так старательно следит за нами?

– Странный тип, да? – ловит мой взгляд Алекс. – И весьма непростой.

Не понимаю, что имеет ввиду Алекс, зато чувствую, что во мне, наконец, просыпается аппетит и я в мгновение ока справляюсь с половиной своей порции.

– Он новенький, вернее, почти новенький. Вполне нормальный, все время помогает, – защищаю Дика.

Голос Алекса становится жестким:

– Нет, Элис. Дик опасный человек. Именно поэтому я и пришел сюда. Тебе небезопасно находиться здесь, вообще рядом с ним. Повторюсь, речь идет о твоей безопасности. А о Дике – о нем мне есть что тебе рассказать. Эван постарался. Но об этом мы будем говорить не здесь, договорились?

Наверное, сытный ужин сделал свое дело. Я чувствую некоторый прилив сил и уже не трепещу перед Алексом. Да и плакать уже не хочется.

Наоборот. Вот оно как! Он вспомнил о моей безопасности?! А когда я умоляла его дать мне шанс, уверяя, что не смогу без него жить – тогда он мысли о моей безопасности в задницу засунул? Когда я три недели в больнице лежала и бредила то Грейс, то им – моя безопасность не была интересна?

А сейчас – Дик плохой? Впервые за последние месяцы кто-то оказывает мне поддержку, впервые я кому-то, возможно, как говорят девчонки с бара, интересна. И он – плохой? Что там нарыл Эван? Что Элис, оказывается, может

жить без Алекса, что в ее жизни появляются новые интересные знакомства? Этого Алекс не может пережить, хотя сам развлекается с Иви?

– Нет, не договорились. Уходи, пожалуйста, Алекс. Это единственное, о чем я тебя прошу.

Если сейчас прикажет повторить все, глядя в глаза – не смогу. Очень страшно, что не смогу. Что он поймет, как мне нужен. Притянет, посадит на колени и вернет в прошлое – и тогда все, моя бравада, показная решительность разрушатся. Поэтому не поднимаю взгляд. Смотрю на свои пальцы, которые нещадно теребят край скатерти и как заклинание, шепчу:

– Уходи. Уходи. Уходи.

-17-

– Я только начала строить свою новую жизнь, Алекс. И не позволю тебе ее разрушить. Уходи! – твердо заявляю, хотя внутри все дрожит и трепещет.

– А я не позволю тебе бездумно играть своей жизнью. Хочешь работать – работай. Но я хочу, чтобы ты жила в моем доме и под моим присмотром, пока не буду уверен, что ты в безопасности.

– А что потом? Опять в дождь повезешь на кладбище и оставишь там?

Голос дрогнул – слишком болезненными были воспоминания.

– Это было твое желание, девочка. Я предлагал отвезти тебя в гостиницу или сразу снять квартиру.

– А твое желание – это была Иви, да?

Мой голос выходит слишком громким, на нас оборачиваются.

Алекса это вроде не волнует.

– Девочка, думаю, тебе следует чуть пристальнее следить за языком. Я тебе предлагаю жить в доме, где ты будешь в безопасности. Кажется, разумнее это ценить, а не истерить, так?

Его голос спокойный, но я чувствую особенные стальные

ноты, обозначающие, что я – вернее, прежняя я, прежняя Элис стоит на грани сурового разговора и вряд ли все ограничится только им.

Но это еще больше злит. Он приглашает меня в дом, куда будет приходить Иви, откуда он будет уходить к Иви. А я? Я буду умирать от этого каждый раз???

– Я не буду жить в одном доме, куда ты приводишь своих девочек, свою Иви! Я не хочу видеть и слышать эти ваши извращения!

Что ж, я добилась хоть какого-то эффекта. В глазах Алекса – ярость. Только глаза и сжатые челюсти показывают, в какой он ярости.

– Я, кажется, просил быть избирательнее в выражениях. Я повторюсь еще раз: ради твоей безопасности ты переезжаешь ко мне. Это временная мера, если она тебе так уж неприятна. И твое сегодняшнее поведение мы обсудим обязательно. Потому что все границы, которые только можно было перейти – ты перешла.

Если б эти слова были сказаны тогда, когда я умоляла о прощении любой ценой! Если б Алекс знал, каких усилий мне стоило создавать новую жизнь без него. Это было сложно. Это было невыносимо сложно и больно. Я готова ко всему, что угодно, только сей подвиг снова повторить не смогу. Не смогу!!!

Алекс не может это понять. Я сейчас вообще поражаюсь тому, что думала о нем как о понимающем меня в любом

состоянии. Не понимает! Нет! Единственный, кто меня сейчас понимает, Дик. В такую нужную минуту он оказывается рядом и твердо произносит:

– Простите, сэр. Кажется, вы сильно обидели девушку. Я вынужден просить вас покинуть помещение.

– Я не знаю, какую игру ты ведешь, но Элис я рядом с тобой не оставлю, – заявляет Алекс и бросает, глядя на меня: – Я жду тебя на улице. Элис, настоятельно прошу не доверять тем, кого ты знаешь без году неделя. Девочка, давай, одумайся уже. Жду тебя на улице.

Алекс уходит, и силы разом покидают. Кажется, Алексу удалось в очередной раз разрушить мой внутренний мир, который снова буду собирать по кусочкам, да и внешний – не удивлюсь, если меня вообще завтра уволят: такой спектакль, такой цирк разыграли перед всеми посетителями. Дик некрепко обнимает за плечи и шепчет:

– Приведи себя в порядок, и уходим через черный ход. Он не оставит тебя в покое, а я не хочу, чтобы ты страдала.

-18-

Гадкое, липкое ощущение пришло не сразу. И это удивительно: в последние месяцы я здорово научилась доверять своей интуиции, своему организму. В период выздоровления мне было жизненно важно прислушиваться к себе, уметь слышать свои желания, улавливать малейшие проявления недомогания. В этом смысле я даже была благодарна своей болезни. Я избавлялась не только от последствий пневмонии. Я избавлялась от груза, который взвалила на себя. Казалось, дни, когда я жила, захлебываясь чувством вины перед Алексом остались позади. Алекс не казался теперь возвышенной и непогрешимой фигурой. Наоборот, было даже доля разочарования. Не захотел выслушать. Прогнал практически сразу. Да и замену мне тоже искал недолго.

А сегодня… Встреча с Алексом затмила все. Взгляд – до боли родной, голос – любимый, самый любимый. Иллюзия. Все иллюзия. Сердце колит миллионами острых иголок, напоминая, как бросил возле могилы Грейс. Как называл Иви «девочка».

И я поверила в заботу Дика, в его дружескую поддержку.

Ну что плохого я могла усмотреть в том, что друг захотел проводить меня до дома? Что плохого в том, что не оставил возле подъезда, что очень настойчиво напросился на чашку

чая?

– Наверное, мне все же стоит переехать в другой город.

– Из-за него? – интересуется Дик.

Не хочу обсуждать с ним ничего.

– Неважно. Извини, Дик, попить чай не получится.

Надо было настоять на своем. Но Дик искусно плел паутину.

– Я захватил собой пирожные, заварим чай. После того приставучего типа надо нервы лечить.

– Я в порядке, Дик, это не приставучий тип. Это Алекс. На самом деле он хороший и … , – мог голос дрожит, – он не хочет причинить мне вред. Наоборот.

– Очень хороший! – возмущенно восклицает Дик. – Он разговаривал с тобой как с какой-то нашкодившей подчиненной. Он унизил тебя при всех, Элис, при всех! Для тебя это норма? Да все посетители слышали, как вы ссорились!

Перебираю в голове слова Алекса. Я не слышу в них унижение. Почему сейчас мне мерещится в них забота? Потому что стоило ему появиться в моем окружении, и я готова на все, лишь бы простил, лишь бы забрал к себе, лишь бы все было по-прежнему, но уже честно?

Нет.

Нет!

Нет!!!

Если я увижу с его Иви, я буду умирать медленно и мучительно. А я увижу его с Иви. Она ему подходит. Они, че-

го уж скрывать, очень гармонично смотрятся. В подчинении Иви нет никакого обмана. Она не играет. Она просто такая, какая нужна Алексу.

А Алекс нужен мне. Мне не хватает его уверенности, что я чувствовала только рядом с ним. Не хватает его поддержки. Не хватает его строгости. Контроля, в котором смешалась забота и опека. Это стало моим воздухом. Чистым, свежим, вкусным, который ложками едят.

А я?

Что я могу дать Алексу?

Я сидела на диване, не желая двигаться. Гадкое чувство шевельнулось только тогда, когда на столе вновь появилось то проклятое пирожное – с вишенкой. Я еще ничего не понимала, но внутри плескался страх. Повинуясь неосознанному порыву, я побежала к двери, но Дик повернул ключ и спрятал его в кармане брюк.

– Сядь, Элис. Николас же рассказывал тебе про вишенку на торте?

Мотаю головой, то ли отрицая происходящее, то ли отрицая слова про Николаса.

– Нет? А нам он часто говорил, что эта вишенка и должна убить Алекса.

– Она … отравленная? – шепчу я вопрос. Я абсолютно не знаю, к чему готовиться. Мне кажется, способность мыслить здраво как-то быстро и безвозвратно покинули меня.

Дик смеется. Боже, все девчонки кафе-бара с ума сходи-

ли от его смеха. Почему??? Сейчас он кажется каким-то дьявольским.

– Сядь, сядь. Сейчас расскажу.

Дик начинает рассказ, от которого кровы стынет в жилах. Что-то в его рассказе перекликается со словами Ника. Только тот не был столь откровенен.

Дик говорит. Не смакует. Он не получает никакого удовольствия от происходящего, но и отторжение оно у него не вызывает. Он сосредоточен, спокоен. Он просто выполняет свою работу. Ту, что заказал Николас.

Дик говорит о том, о чем когда-то вскользь сказал Николас. Месть Алексу – многослойный торт. Разорение активов – только первый ярус. Второй – удар в самое сердце. Он о том, как же это больно – узнать, что твоя девочка никогда не была твоей, что она – предательство в чистом виде.

– Этот слой ты явно подпортила, Элис. Ник был зол, очень зол. Но вскоре утешился. Ведь конечная цель – не разорить Алекса. Тьфу, какая ерунда. Для этого есть гораздо менее сложные менее энергозатратные способы. Цель – чтобы ты стала смыслом жизни Алекса. Ты ею стала, Элис. Николас доволен. Стала таким же смыслом жизни, как для тебя Грейс, для Николаса – отец, что погиб из-за жадности отца Алекса, мистера Ханта. Догадываешься, о какой вишенкой на торте идет речь?

Я молчу. Мне очень сложно соображать. Кажется, что-то понимаю, но мысль настолько страшная, что не могу, не хочу

понимать и тем более облачать это в слова.

– Ну давай же, Элис, соображай. Покончим, наконец, с этим раз и навсегда.

– Ты хочешь убить меня, потому что Алекс любит меня и я ему дорога?

Голос дрожит, он такой тонкий, что на миг становится стыдно за свою трусость. Но еще больше – за свою недальновидность.

Алекс все понял! Потому и хотел поехать со мной, увезти к себе. Господи, почему я такая глупая, доверчивая? Почему позволила Дику приблизиться к себе? Почему?

– Не я, не я хочу убить – тихо и оттого страшно отвечает Дик. – Весь бар слышал, как вы ссорились. Как он заявил, что поедет с тобой. Никто не видел, как мы вышли через черный ход. А значит, для всех – ты вышла обычным путем, а Алекс увязался с тобой. Очевидно, спор продолжался и у тебя в квартире. Как там тебе сказал Алекс: «Обсудим твое поведение дома»? Уверен, свидетели скажут фразу более точно, не суть. Смотри, даже бутылка вина, что вы заказали, стоит на твоем столе…

– Мы ее не заказывали! Это ты за счет заведения подарил ее нам. Она тоже часть твоего плана, да, Дик?

– Ну естественно, Элис! Естественно! Что может быть обыденнее в бытовухе: в сердцах схватить бутылку и ударить ею. И на аффективную реакцию не сошлешься, это уже злой умысел.

Я пытаюсь возвать к благоразумию Дика:

– Полиция будет разбираться. Она рассмотрит разные варианты. Посмотрит камеры. Я там не выхожу через главный вход. Это обязательно вызовет подозрения, Дик.

– Утомляешь, Элис. Позаботиться о камерах – дело десяти минут. Камеры, свидетели, улики – это уже давно не проблема, Элис. Абсолютно все можно повернуть в сторону своей выгоды. Наша реальность, наша жизнь – она как ткань, не особо дорогая, между прочим. Можно сделать один аккуратные надрез – все расползется нужным образом.

Дик помолчал, будто давая время осмыслить:

– Поверь, нужные нити уже перерезаны. Осталось лишь потянуть. Понимаешь, о чем я?

– Пожалуйста, Дик… – в моем голосе нет ни капли надежды. Не для того Дик проделал столь внушительную работу, чтобы в последний миг нарушить приказ Николаса и оставить меня в живых. Я это говорю, просто чтобы что-то сказать. Чтобы в следующую секунду не закричать от боли в затылке и не закрыть навечно глаза. Пока говорю – кажется, Дик слушает и ничего не сделает.

Но Дик не тратит время. Останавливает мои причитания одним жестом. И внутри меня что-то рвется. Наружу прорывается не просто боль, а целая вселенная боли, безысходности, отчаяния.

– Наверное, я действительно заслужила такой участи, предав, не поверив Алексу сегодня еще раз. Только у меня будет

последняя просьба Дик. Умоляю, выполни ее.

– Передать Алексу, что ты его любила? Да ну, Элис, что за детский сад.

– Нет, раз уж ты подставляешь Алекса, сделай так, чтобы дело можно квалифицировать как убийство по неосторожности. Пожалуйста…

-19-

– По неосторожности? Не получится, Элис, – задумчиво отвечает Дик. – С любым другим человеком получилось бы. Но Алекс – доминант, он не может быть неосторожным. Каждое движение, каждый удар Алекса и ему подобных под контролем. Так что приступим без споров.

Дик натягивает на руку легкую перчатку.

Ба-ах! Резкий звук заставляет вздрогнуть, я даже делаю шаг, чтобы сбежать, но рука Дика быстро возвращает на место. Со страхом смотрю на «розочку», что осталось в его руке после удара той самой бутылкой об раковину.

– Здесь нет ничьих отпечатков, – кивает он в ее сторону. – Только твои и Алекса.

– Дик, нет, пожалуйста, не надо. Это ведь не дорогая квартира Алекса, я снимаю обычную маленькую квартирку. Здесь нет толковой звукоизоляции, я буду кричать. Я уже кричу, Дик.

И я кричу.

Я не хочу умирать.

Не для того карабкалась к жизни через уколы и капельницы.

Но вдоволь накричаться не могу. Пробное «Помогите» выходит ужасно тихо и трусливо. Второе и третье уже были

настоящим ором.

Четвертый крик застревает в горле, пальцы Дика смыкаются на моей шее. Сильнее. Сильнее. И теперь не кричу – мычу.

– Тише, тише, удушение не входит в мои планы, девочка.

Вытаращенными глазами, в которых застыл ужас, шок и неверие в происходящее смотрю на Дика. В застывшей тишине мы оба слышим звук открывающейся двери. Медленно, тяжело, но дверь впускает в этот дом кого-то, кого, по мнению Дика, здесь быть не должно было. Или нет. Не впускает. Этот кто-то сам заходит. Вопреки всему.

…Алекс не ломится с криком. Его движения будничные, спокойные. Его голос звучит с легкой ленцой:

– Положи стекло, Дик.

Словно не орудие убийства приказал убрать, а телевизор выключить.

Я не сразу могу вздохнуть с облегчением, потому что Дик делает резкое движение осколком в мою сторону, пытаясь захватить меня в свой плен и использовать как щит.

Однако ему мешают спокойные, рассудительные слова Алекса:

– Еще одно движение, и ты не доживешь до суда, – чеканит он, делая стремительный шаг вперед. –Ты думал, я отпустил тебя из кафе просто так? Мои люди вели тебя от самого черного хода. Эван зафиксировал каждый твой шаг. Ты провалил задание, Дик. Николас не прощает свидетелей своего

позора. Сейчас ты для него – мусор, который нужно убрать.

Дик теряется, в словах Алекса железная логика. Этого времени хватает. Алекс перехватывает его руку с такой силой, что я слышу хруст костей запястья. Разбитая бутылка вылетает из онемевших пальцев, разбиваясь об пол.

Алекс не бьет его. Не при мне. Он просто впечатывает его в стену, фиксируя предплечьем горло. Поворот головы ко мне – и летит суровый приказ:

– В комнату, Элис. Быстро. И пока я не покончу с этим подонком, чтоб тебя здесь не видел.

Пячусь, чувствуя, как коленки превращаются в кисель. Сажусь в старое кресло хозяйки квартиры. То ли холодно, то ли нервы. Кутаюсь в плед. Руки трясутся. Колени тоже дрожат. Взгляд не фиксирует ничего, кругом пустота.

Не реагирую, когда Дик вызывает полицейских, когда они входят в дом, когда на запястьях Дика защелкиваются наручники. Меня будто поместили в вакуум, в котором для жизни был – только воздух.

Ни эмоций.

Ни звуков.

Ни цвета.

Мир стал до примитивности простым.

В себя я начала приходить, только когда передо мной во весь рост встал Алекс. Не обнимает. Не утешает. Просто в моей ладони оказывается стакан воды.

– Пей, — коротко бросает он.

Когда он успел его налить, когда подошел – не знаю. Пытаюсь делать глоток, зубы стучат о край стекла. Ледяная вода обжигает горло, возвращая способность дышать.

Он стоит у окна, заложив руки за спину. Его пальто расстегнуто, плечи в полумраке кажутся неестественно широкими. За окном мигают синие огни полицейских машин — оцепление снимается так же быстро, как было выставлено.

Первая эмоция.

Жуткая тревога.

Не из-за Дика. Из-за Алекса.

Впервые он забрал мое право на заботу и щепотку ласки после пережитого. Как утопающий хватается за соломинку, я хватаюсь за его имя:

– Алекс... – а дальше я не знаю, что сказать. Только еще раз повторяю его имя, и еще, еще.

Алекс оборачивается резко. Одним хищным движением сокращает расстояние между нами – вырывает стакан из моих пальцев. Нависает над моим креслом, запирая меня в ловушку из своего тела.

– Скажи, неужели я хоть раз давал тебе повод не доверять мне, что ты выбрала растоптать мои слова и пойти домой с этим ублюдком? Ты хоть понимаешь, что, если бы не датчик в твоей сумке, я мог опоздать на те пять минут, которые решили бы всё? Что если бы вовремя не подсуетился сделать ключи от твоей квартиры, все не закончилось бы вот так – относительно спокойно?

Не знаю.

Я ничего не знаю про датчик.

И про ключи не знаю.

И что сказать сейчас я тоже не знаю.

Любой мой аргумент сейчас будет играть против меня, Алекс разнесет его в пух и прах, я точно знаю.

Не дождавшись ответа, Алекс резко выпрямляется. Во всем его виде столько брезгливого разочарования, что сердце заходится болью.

– Вставай. Возьми необходимые вещи. Едем ко мне домой.

Раньше бы от счастья взвыла, но сейчас не хочу. Там Иви. Там нет прежних нас. Я сниму другую квартиру. Уеду в другой город. Я никого не буду к себе подпускать. Но с Алексом не поеду.

Сказать об этом открыто не решаюсь.

Молчу.

Но ничего не делаю.

Алекс правильно понимает мое молчание и с тяжелым вздохом, будто объясняет умственно отсталому, неспособному уяснить смысл с первого раза человеку, говорит:

– С вещами или без, по доброй воле или нет – но ты поедешь со мной, Элис. Если бы я опоздал, завтра ты была бы в морге, а я – в камере за твое убийство. Это был бы идеальный мат в два хода. У Дика не получилось, точнее почти получилось. Следующий наемник Николаса будет расторо-

нее. Или я не успею вовремя появиться

-20-

Алекс

Элис стоит посреди комнаты, посреди своих разрушенных надежд, разрушенной самостоятельной жизни. Смотрю – и сердце от грусти за нее разрывается. Застыла, будто в вакууме. Вероятно, переживает что-то подобие шока.

Пользуюсь ее замешательством, кидаю в сумку несколько вещей – пижаму, белье, что нахожу в шкафу, любимую кружку, знакомую с нашей еще прошлой жизни, беру ноутбук и осторожно, но твердо, не давая шанса высвободить руку, подхватываю ее за локоть и вывожу из дома. С остальным разберется Эван.

Удивительно, но вот эта ее беспомощность, хрупкость волшебным образом смягчают ту ярость, что до сих пор кипела во мне. Усаживаю на переднее сидение, застегиваю карабин ремня и завожу машину. Крупная дрожь Элис не прекращается ни на секунду, а я, как назло, не имею привычки носить в машине плед или хоть какое-то покрывало. Обхватываю ее ладони своими на очередном светофоре:

– Перестань, Элис. Возьми себя в руки, иначе скатишься в истерику, а это уже страшнее.

Вообще не реагирует на мои слова.

Нехорошо. Значит, ушла глубоко в себя. Значит, надо готовиться к истерике.

Как же легко было бы решить проблему, будь все как прежде! Разобрался бы с ней еще в квартире. Достаточно было бы произнести: «Никогда не смей игнорировать мои предупреждения и тем более тайком сбегать» и выпороть, ни разу не жалея, доводя до грани стоп-слова. Так, чтобы физическая боль перекрыла парализующий ее ужас. Чтобы рыдала и кричала от ремня и обиды на меня, а не от страха со встречи со смертью. После этого доплакала бы свои эмоции у меня на груди, пока все тело бы не расслабилось, принимая наказание и защиту, и мы оба смогли бы наконец вдохнуть и спокойно поехать ко мне и там уже решать, что делать дальше.

А сейчас… Сидит и стучит зубами.

Глупая, глупая Элис.

Маленькая глупая девочка, которой все еще нужна моя твердая рука.

Заезжаем во двор. Заглушаю мотор и открываю дверь с ее стороны. Не шевелится. Взгляд вперед застыл. Взгляд с оттенками ужаса.

– Элис, выходи.

Снова нет реакции. Даже взгляд ее поймать не могу – вообще зацепиться не за что.

Плохо. Значит, когда будет реакция, ее будет столько, что Элис захлебнется в эмоциях.

– Девочка, выходи, я сказал, – слегка тяну за руку. Спе-

циально выбираю такое обращение – так больше шансов, что услышит, не голова, так тело подчинится моим словам. Не повышаю голос. Все должно быть спокойно, потому что внутри Элис сейчас бушует такой океан, что дай и я волю эмоциям – снесет нас обоих.

И действительно, Элис дергано вылезает из машины. Осматривается вокруг, будто мой дом, в котором она жила столько времени ей чужой. Предусмотрительно не отпускаю ее пальцы – и не ошибаюсь, Элис начинает шатать. Подхватываю ее за талию в тот момент, когда она начинает оседать. Спокойно выдерживаю на самом деле страшный, захлебывающийся вой, который вырывается из самой глубины ее души.

Даже простое успокаивающе «Ш-ш-ш» на нее действует совсем по-другому, вообще не успокаивается.

– Не надо! Я не хочу… пусти меня, Алекс, пусти! – Элис кричит, срывая голос, бьет меня кулаками в грудь, пытаясь вырваться из стальной хватки, хотя отпусти я ее – она бы тут же упала.

– Тише, тише, девочка, ну же, ш-ш-ш… – пытаюсь мягко надавить на нее – получается плохо. Кажется, все силы Элис уходит на то, чтобы кричать и совершать дерганые движения всем телом.

– Почему вы все такие злые? Почему он хотел убить меня? А ты… ты, Алекс, опять отвезешь меня на кладбище и оставишь одну? Опять одну? Почему у меня забрали Грейс? Это

ты забрал мою Грейс и оставил меня одну? Я даже в больнице была одна, так долго и так одна. Никто, никто ко мне не приходил! Никто не трогал мои волосы! Никто не принес и яблочка. Потому что я никому не нужна! Потому что я родилась, чтобы быть никому не нужной. Зачем ты меня опять мучаешь, Алекс??? Пусти, пусти, пусти, придурок.

Элис билась в моих руках, как пойманная птица, теряя связь с реальностью. Истерика полностью захлестнула её разум. Не стал ей напоминать, что поехать на кладбище – был ее выбор. Не стал объяснять, что как узнал про болезнь – каждый день приходил в больницу и заходил в палату, когда она еще не пришла в себя или спала под воздействием лекарств. Сам виноват – строго запретил доктору сообщать об этих визитах: рвать отношения – так рвать до конца. Даже «придурок», выдохнутое со слезами, спускаю на тормозах – все равно не ведает, что творит. За это не наказывают.

Как бы ни было жалко мою содрогающуюся девочку, действовать все равно приходилось жестко: резко обхватываю её за плечи и с силой встряхиваю – один раз, коротко и жестко, заставляя её голову качнуться.

– Элис! Смотри на меня! – приказываю тем самым голосом, который не терпит возражений. Голосом, который заставляет её подчиняться на уровне инстинктов.

Замирает на полувздохе, глядя на меня широко распахнутыми, безумными глазами.

– Дыши, — я сильнее сжимаю ее ладонь. – Вдох. Я говорю:

«вдох», Элис. Давай, живо.

Судорожно втягивает воздух.

– Выдох. И еще раз. Смотри мне в глаза, девочка. Ты в моем доме. Здесь ты можешь не бояться ни Дика, ни кого-то другого. По периметру дома – камеры. С завтрашнего дня возле выхода будет стоять охранник. Ты меня слышишь? Ты сейчас замолчишь, пройдешь в дом и выпьешь успокоительное. Ляжешь в постель и проспишь до самого утра. Ты меня услышала?

С облегчением понимаю, что мой тон все еще действует на нее как надо, истерика сменяется тихим, надрывным иканием. Еще минута, и Элис перестает биться как птица, от прежней истерики остаются единичные всхлипы. Пальцами держится за мою рубашку. Мягко убираю ее руки оттуда и подхватываю на руки.

Несу ее к дверям, чувствуя, как она совсем затихает, доверчиво прижавшись к моему плечу. Несу ей успокоительный чай и крекеры.

Сегодня она приняла мои правила. Но здесь надо принимать во внимание и ее состояние. Даст бог, через два-три дня Элис окончательно придет в себя и как воспримет новые правила нашей жизни – не знаю. А они – новые правила – будут обязательно, даже если очень ей не понравятся. Вот честное слово, ее нравится или нет меня сейчас волнует меньше всего. Важнее, чтобы была живая, невредимая и … рядом.

*****

ДРУЗЬЯ!

Ну вот и все. Элис снова дома - дома, из которого была с позором выгнана. Теперь Алекс обещает защиту, но любовь они друг другу не обещают. Будет ли скучать Элис по старым правилам своего Господина? Или он теперь просто Алекс? Успокоится ли Николас или подошлет нового "Дика"? Все самое интересное, острое, и откровенное - впереди. *Сейчас цена по подписке - 139 рублей, после завершения книги цена будет 179 рублей.*

-21-

Элис

Кажется, я задремала, но только на пару часов. Просыпаюсь от невероятного чувства тепла и защищенности, словно нахожусь в утробе матери. Да, мне кажется, именно так чувствует себя еще нерожденная кроха под сердцем самого близкого человека. Уютное тепло и мрак обволакивают все сознание, сил нет даже на то, чтобы открыть глаза. И это тепло, оно такое манкое, оно такое затягивающее, его хочется удержать, за него хочется ухватиться… Нет слов, чтобы описать это блаженство, только звуки: «М-м-м».

Но память, как шоковая терапия, заставляет открыть глаза и вернуться в реальность.

Алекс. Дик. Кафе. Бутылка. Страшные слова Дика. Проклятое пирожное с вишней. И голос Алекса – грубый, требующий, чтобы я покинула комнату, пока он разбирается с Диком.

Поверх этих событий накладывается еще одно: вспоминаю свою жуткую истерику. Черт, черт, черт, что на меня нашло? Как же стыдно перед Алексом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.